# ГОСУДАРСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНІЕ

# СВ. СЕРГІЯ

И

# ТРОИЦЕ-СЕРГІЕВОЙ ЛАВРЫ.

---

**К. Случевскій.**

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1889.

# ГОСУДАРСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНІЕ
# СВ. СЕРГІЯ
# И
# ТРОИЦЕ-СЕРГІЕВОЙ ЛАВРЫ.

---

## I.

Посѣщеніемъ Троице-Сергіевой Лавры въ началѣ іюля прошлаго года Великій Князь Владиміръ Александровичъ завершилъ длинный рядъ путешествій предпринятыхъ имъ въ 1884, 1885, 1886, 1887 и 1888 годахъ; въ значительной части пути Его Высочество сопровождала Великая Княгиня Марія Павловна. Описанія этихъ путешествій, по возможности обстоятельныя, помѣщались исключительно въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, и добрыхъ двѣ трети ихъ издано

отдѣльно, въ трехъ томахъ: *По сѣверу Россіи* и *Балтійская сторона*; послѣдняя треть—*Царство Польское и Западный край*—еще ожидаетъ изданія.

Въ путешествіяхъ этихъ, длившихся въ теченіе пяти лѣтъ, ровно полгода, Великимъ Княземъ осмотрѣны на чрезвычайно обширной территоріи, обнимающей почти четвертую, сѣверную, часть Европейской Россіи, всѣ войска Высочайше ввѣреннаго ему Петербургскаго округа; осмотрѣны войска гвардіи, временно выдѣленныя и расположенныя въ Варшавѣ, и, наконецъ, посѣщены войска и учрежденія Его Высочеству не подчиненныя, но расположенныя по пути слѣдованія. Въ общемъ путь обѣгалъ почти третью часть Европейской Россіи, сѣверную, сѣверо-западную и часть западной окраины и всѣ коренныя русскія земли, до Тулы, Владиміра и Нижняго на востокъ.

Нечего говорить о результатахъ которые, въ интересахъ благоустройства войскъ Петербургскаго округа, должны были получиться и получились отъ ближайшаго и непосредственнаго ознаком-

ленія начальника со своими подчиненными, но, должно полагать, что осмотръ Братомъ Государевымъ и другихъ войскъ не остался безъ важныхъ для нихъ послѣдствій. Государю-Царю быть вездѣ нельзя, и счастье видѣть Брата Государева несомнѣнно содѣйствовало подъему духа въ войскахъ. Наполеонъ I говоритъ, кажется, гдѣ-то что если взвѣсить причины обусловливающія вѣроятность будущей побѣды, то матеріальная обстановка войскъ обусловливаетъ только $^1/_4$ часть ея, тогда какъ цѣлыхъ $^3/_4$ зависятъ отъ духа, отъ высоты ихъ нравственной силы. У насъ, въ нашихъ войскахъ, могучею причиной поддержки и развитія этой силы являются, несомнѣнно, посѣщенія и осмотры ихъ лицами Императорскаго Дома; посѣщенія эти оказываютъ не менѣе вершительное вліяніе и на ближайшія къ пути слѣдованія мѣстности и служатъ во многихъ отношеніяхъ и по многимъ вопросамъ двигательною силой.

Такъ какъ Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ осмотръ

войскъ ему подчиненныхъ окончательно завершенъ, а войска ему неподчиненныя осматривались только попутно, то нельзя не пожалѣть о томъ что можетъ-быть дальнѣйшія подобныя поѣздки прекратятся и мѣстности Его Высочествомъ не посѣщенныя не почувствуютъ на себѣ тѣхъ благихъ результатовъ которые сказываются всегда вслѣдъ за посѣщеніями Августѣйшихъ Особъ.

---

Трудно, очень трудно сказать что-либо новое о величайшей святынѣ Русской земли, о Троице-Сергіевой Лаврѣ, сказать въ самой замѣтной, главной московской газетѣ, то-есть близехонько отъ самой Лавры. Но отъ поры до времени отваживаться на подобныя повторенія слѣдуетъ. Вопервыхъ, все то что въ свое время сказано о Лаврѣ Карамзинымъ, Снегиревымъ, Шевыревымъ, Муравьевымъ, Горскимъ и другими писателями вовсе не было прочитано многими людьми по нѣсколькимъ, часто неуважительнымъ причинамъ; вовторыхъ, потому что есть цѣлый рядъ такихъ историческихъ событій, такихъ памят-

никовъ искусствъ, такихъ отдѣловъ знаній, которые, въ силу того что они какъ бы извѣстны всякому гимназисту, остаются именно поэтому неизвѣстными или, лучше сказать, забытыми взрослымъ человѣкомъ. Напоминаніе въ подобномъ случаѣ — совершенная необходимость, оправдывающая дерзость сдѣлать очеркъ, чего же: Троице-Сергіевой Лавры и ея былаго.

Немного сентиментальный паломникъ Муравьевъ, талантливость и заслуги котораго въ описаніяхъ русской святыни къ несчастію забываются, начинаетъ свое описаніе Лавры съ лунной ночи: старцы на молитвѣ еще стоятъ въ келіяхъ, несется ароматный запахъ отъ скошеннаго сѣна, золотятся въ мѣсячномъ свѣтѣ маковки храмовъ и слышится порою крикъ ворона бьющаго крыломъ въ желѣзную крышу древней башни. Шевыревъ, по преимуществу ученый эпикъ, подъѣзжалъ къ Лаврѣ яснымъ вечеромъ, причемъ надъ Лаврой сіяла радуга; въ Москвѣ, замѣчаетъ онъ, радуга ломается о верхи колоколенъ, въ Лаврѣ въ лучахъ заходившаго солнца,

оба конца ея упирались въ чистое поле и ярко горѣли всѣ ея семь цвѣтовъ. Снегиревъ, гораздо болѣе сухой, начинаетъ съ перечня того какъ отъ XII вѣка, начиная съ игумена Даніила и Полоцкой княжны Евфросиніи, многіе русскіе люди ходили на поклоненіе святынѣ вообще и Сергіевой въ особенности, и даетъ много цѣнныхъ историческихъ указаній о пути между Москвой и Лаврой, совершавшемся пѣшкомъ или на долгихъ, пути не существующемъ сегодня, благодаря желѣзной дорогѣ.

Эти Снегиревскія указанія крайне любопытны и свидѣтельствуютъ очень наглядно о томъ какъ быстро слизываетъ у насъ время историческіе памятники еще очень близкаго былаго и то что въ концѣ концовъ прочнѣе всего сохраняются они, все-таки, въ письменномъ и изустномъ словѣ, какъ бы въ насмѣшку надъ камнемъ, желѣзомъ и бронзой.

Всѣ московскіе патріархи, и нѣкоторые другіе святители далекаго Востока и почти всѣ великіе князья, цари и императоры посѣщали Сергіеву оби-

тель именно этою дорогой отъ Москвы на село Алексѣевское, Танинское, Мытищи, Хотьковъ монастырь, Радонежъ. Путешествія царей назывались „Троицкими походами“; церемоніалъ ихъ бывалъ великолѣпенъ и часто по примѣру Сергія, „никогда не ѣздившаго на конѣ“, совершались эти походы „пѣшкомъ“. По пути стояли въ пяти мѣстахъ великолѣпные „путевые дворцы“, въ трехъ мѣстахъ имѣлись „станы въ шатрахъ“ и, кромѣ того, устраивались „слазки“, въ которыхъ выходили изъ каретъ, возковъ и колымагъ для переодѣванія. О подобномъ путешествіи царя оповѣщались задолго впередъ Лавра и попутныя къ ней мѣста; игумну съ братіей писали: „его величества пришествіе къ нимъ будетъ“. Шествіе растягивалось очень длинно. Шли и ѣхали на коняхъ стрѣльцы и пушкари, скороходы, бояре, дворяне, спальники, стряпчіе и другіе; за царевымъ поѣздомъ слѣдовалъ не менѣе пышный царицынъ; возки и телѣги имѣли особыя назначенія: „образной“ съ образами для царскаго моленія, „пос-

тельной“ съ путною царскою постелью, „портомойной“ съ бѣльемъ; въ особую „поборную“ телѣгу складывались подносимыя государю дорогой вещи; особый „укладничій“ смотрѣлъ за укладываніемъ вещей. Походы царскіе совершались очень медленно, „со всею прохладою“; по пути раздавали милостыню (царица Евдокія въ 1636 году раздала 1 рубль 12 алтынъ; пышный патріархъ Никонъ въ 1683 году выдалъ за весь походъ, считая тутъ и угощеніе царя Алексѣя Михайловича, 50 р. 29 алтынъ и 4 деньги); во многихъ мѣстахъ дороги существовали „блинны“, причемъ блины, уничтоженіе которыхъ искони соединялось у насъ съ поминками, многократно подносились по пути также и страиствовавшимъ державцамъ.

Отъ „путевыхъ дворцовъ“ въ настоящее время нѣтъ почти и слѣдовъ. Такъ въ селѣ Алексѣевскомъ дворецъ еще высился, но уже разрушался въ началѣ XIX вѣка и былъ осмотрѣнъ Карамзинымъ: „Потолки и стѣны были обиты выбѣленнымъ холстомъ, а двери (и то въ однѣхъ царскихъ комнатахъ)

краснымъ сукномъ съ широкими жестяными скобами; окна выкрашены земленою краской". Другой путевой дворецъ стоялъ въ Танинскомъ надъ Яузой и его нашелъ Карамзинъ тоже разрушавшимся; этотъ дворецъ, пишетъ онъ, построила Елисавета Петровна, подлѣ развалинъ бывшаго дворца Алексѣя Михайловича; тутъ былъ роскошный паркъ и въ одномъ изъ прудовъ „купывалась императрица Елисавета Петровна съ сельскими дѣвицами, изъ которыхъ одна, говоритъ Карамзинъ, еще хранившая объ этомъ воспоминаніе, недавно умерла на 110 году отъ рода". Здѣсь же въ Танинскомъ своевременно укрылся Іоаннъ Грозный съ царицей и царевнами когда выяснилась измѣна Курбскаго и замыслы Сигизмунда; тутъ же царь Борисъ давалъ богатые обѣды своимъ ближнимъ; свиданіе царицы Маріи со Лжедимитріемъ имѣло мѣсто здѣсь же и вслѣдъ за этимъ свиданіемъ признала она его своимъ сыномъ. Стояли въ Братовщинѣ, быстро уступая мѣсто одинъ другому, дворцы Алексѣя Михайловича, Елисаветы Пет-

ровны, Екатерины II; имѣлся дворецъ въ Воздвиженскомъ, до котораго въ 1689 году доѣхала царевна Софія съ сестрами и иконой Спасителя, тщетно ходатайствуя чтобы братья пустили ее въ Троицкій монастырь, и ей было отказано, съ предупрежденіемъ что если она появится, „то съ нею нечестно будетъ поступлено“; въ этомъ же селѣ казнены Хованскіе, отецъ и сынъ, причемъ когда отцу отрубили голову, то сынъ, взявъ ее, поцѣловалъ и потомъ положилъ на плаху свою... Что̀ это были за крѣпкіе люди! Какихъ нѣтъ на Троицкомъ пути воспоминаній! Этою дорогой перевезены своевременно изъ Соловокъ мощи митрополита Филиппа и тѣло патріарха Никона съ Бѣлоозера; здѣсь направлялись изъ Москвы, для новыхъ, третьихъ похоронъ, останки Годуновыхъ; тутъ, наконецъ, совершались судьбы лихолѣтія и стучала боевая артерія возникавшей изъ гибели и срама державной жизни Россіи.

Теперь всѣхъ перечисленныхъ историческихъ мѣстъ едва-едва касается путешественникъ, проскальзывающій отъ

Москвы къ Сергіеву посаду въ два часа времени; имена четырехъ желѣзнодорожныхъ станцій, для большинства, совершенно нѣмы, а про сосѣднія съ ними мѣста нечего и говорить. Вотъ хоть бы станція Мытищи: тутъ родина рѣки Яузы и здѣсь молнія, ударивъ въ 1779 году въ болото, открыла ключи „громовой святой“ воды, и Екатерина II поручила генералу Бауру устройство знаменитаго водопровода; досюда доходили въ 1812 году Французы, не осмѣлившіеся идти далѣе на Лавру, потому что, какъ говорилъ народъ, „Св. Сергій ослѣпилъ ихъ“; замѣчательно что императрица Елисавета, которой это село принадлежало, сама защищала въ Сенатѣ дѣло одного изъ своихъ здѣшнихъ мытниковъ. Въ Пушкинѣ, вторая станція, былъ сельскій патріаршій дворъ съ хоромами; четвертая станція это Хотьково съ историческимъ монастыремъ, въ которомъ почиваютъ родители Сергіевы, схимонахъ Кириллъ и схимонахиня Марія, когда-то киновія, обитель чернецовъ и черницъ, съ древнѣйшею во всей Россіи, по сло-

вамъ Снегирева, церковью Покрова Богородицы, основанною въ 1309 году; Петръ I, посѣтивъ Хотьковъ, увидѣлъ тамъ много досужихъ крылошанокъ бѣлицъ и послушницъ и выписалъ изъ Голландіи мастерицъ тонкой пряжи, для ихъ обученія; пряжи эти составляютъ и сегодня предметъ келейной работы; императрица Елисавета взяла къ себѣ одну изъ злѣшнихъ крылошанокъ, Марѳу, сѣнною дѣвушкой, а затѣмъ приставила ее мамушкой къ цесаревичу Павлу Петровичу. Мѣстные мальчишки собираютъ, какъ говорятъ, и сегодня милостыню „на башмачки“ спящимъ во гробахъ родителямъ Сергіевымъ, якобы шествующимъ иногда отсюда въ Лавру на поклоненіе мощамъ своего знаменитаго сына. Какое милое, полное внутренней красоты повѣріе.

Все что̀ перечислено нами составляетъ, конечно, только малую долю того что̀ могла бы разказать исторія и легенда о мѣстности между Москвой и Сергіевымъ, мѣстности столько разъ исхоженной Св. Сергіемъ. Путникъ за

шумомъ и быстротой поѣзда не услышитъ по сторонамъ пути, какъ это слышалъ еще Шевыревъ, чтенія Псалтири, ему не поднесутъ поминальныхъ блинковъ, но общій видъ Лавры, какъ она предстанетъ его глазамъ впервые, почти тотъ же что̀ отражался когда-то въ погасшихъ теперь очахъ властителей Московскихъ и Всероссійскихъ, въ кроткихъ очахъ маститыхъ святителей церкви, когда-то глядѣвшихъ на Лавру съ любовью, въ лютыхъ глазахъ Сапѣги, Лисовскаго и Чаплинскаго, зарившихся на Лавру, но не смогшихъ взять ея; такъ же точно отражалась она и въ безконечномъ количествѣ глазъ всякихъ паломниковъ и паломницъ разошедшихся отсюда и полегшихъ въ разныхъ мѣстахъ, за пять долгихъ вѣковъ, въ родную землю. Сколько свѣта горѣло въ этихъ глазахъ и какъ глубоко погасли бы они еслибы не было надежды и вѣрованія... а въ дѣлѣ вѣры Сергіева Лавра сдѣлала много, очень много!

Почти въ центрѣ Троицко-Сергіевой Лавры, въ широкомъ кольцѣ, имѣ-

ющемъ болѣе версты въ окружности, ея древнихъ стѣнъ, осѣняемыхъ высокими маковками соборовъ и колокольни, вышками башень и длиннымъ гребнемъ трапезы, скромно ютится довольно большой обелискъ изъ дикаго камня, въ 14 аршинъ вышиной, повѣствующій надписями своими о томъ что три были несчастныя для „Россіи времена“ и въ нихъ - то именно Лавра „сохраненію отечества содѣйствовала и спомоществовала“. Эти времена: татарское иго, злоключеніе отъ Поляковъ и стрѣлецкіе мятежи. Характерно и очень наглядно для сравненія то что обелискъ этотъ поставленъ въ 1792 году, то-есть въ тотъ именно годъ когда во Франціи уже дѣйствовалъ Конвентъ и близилось сверженіе христіанства и введеніе почитанія разума! Какая разница! Странно и то другое совпаденіе что комнатная икона несчастнаго Лудовика XVI, находящаяся въ одной изъ здѣшнихъ монастырскихъ церквей, въ Виѳаніи, словно бѣжала сюда, такъ какъ была привезена именно въ разгаръ революціи.

Но историческія указанія обелиска

вовсе не говорятъ о томъ единственномъ, исключительномъ значеніи какое всегда имѣла Лавра, не только въ перечисленныя эпохи пароксизмовъ нашей исторической жизни, но и на самую суть этой жизни, на ростъ Русской державы, изъ смертельной розни уѣловъ въ могущественное объединеніе Московское. Если безконечно важны въ этомъ отношеніи заслуги митрополитовъ Петра и Алексія, то въ томъ же направленіи еще безцѣннѣе заслуги основателя Лавры Святаго Сергія; самъ онъ и школа іерарховъ имъ образованная, имъ вдохновенная, стоявшая во главѣ Лавры, въ этомъ смыслѣ сдѣлала свое.

Несомнѣнно что въ жизни смиреннаго отшельника, основателя Лавры, свѣтится чрезвычайно ярко ему одному въ той мѣрѣ принадлежащая, если можно такъ выразиться, политическая окраска; въ этомъ имѣетъ нашъ Преподобный очень много общаго со святымъ первоверховнымъ апостоломъ Павломъ. Сергій, избранный Богомъ подвижникъ, провидѣлъ съ зоркостью удивительною то чего не доставало еще ращепленной тог-

да на удѣлы Россіи или, лучше сказать, провидѣлъ еще несуществовавшую Россію; его именно характерная подпись красуется на знаменитомъ завѣщаніи Дмитрія Донскаго, опредѣлившемъ переходъ престолонаслѣдія отъ отца къ сыну и этимъ разрушившемъ въ основаніи все горе, все зло удѣльной системы. Этимъ народилось Московское единодержавіе, и его цементировало православіе, нерѣдко строгую, но всегда попечительною рукой. Чрезвычайно вѣрно характиризуетъ Муравьевъ особенность тѣхъ отношеній какія мы, Русскіе, должны имѣть къ основателю Лавры, когда онъ говоритъ: „полюби Святаго Сергія, онъ былъ Русскій въ душѣ!“ И понятна становится та мечтательность которая сказалась въ Муравьевѣ, когда онъ лѣтнею ночью бродилъ по стѣнамъ Лавры и ему свѣтилъ „молодой мѣсяцъ въ колыбели облаковъ“ и горѣли золотыя маковки соборовъ, звенѣлъ по Московской дорогѣ колокольчикъ, мелькали огни въ домахъ посадскихъ, воронъ въ башнѣ билъ крыломъ о желѣзную крышу, шли бо-

гомольцы, а старцы въ келіяхъ еще стояли на молитвахъ; воображенію Муравьева, объятому воспоминаніями, представились тогда двѣ таинственныя лѣстницы: одна глубоко нисходившая на дно старины русской, другая—молитвенно воздвизавшаяся къ нему, рядомъ чудесныхъ подвиговъ Святаго Сергія. Несомнѣнно вѣрно что ни одна изъ обителей нашихъ не стояла такъ близко къ причинамъ возрастанія Россіи, не являлась такою существенною причиной и направленіемъ этого роста, какъ именно обитель Святаго Сергія и въ особенности ея основатель. Народъ чрезвычайно чутокъ, и если гласъ народа—гласъ Божій, то замѣчательно и то что едва минуло тридцать лѣтъ по смерти Преподобнаго, какъ уже явились на свѣтъ его мощи и совершился рядъ чудесъ; примѣръ очень рѣдкій въ исторіи нашей церкви и чуть ли не единственный. Преданіе гласитъ что Преподобный самъ предсталъ тогда одному изъ посадскихъ людей въ видѣніи и сказалъ: „вскую мя остависте толико времени во

гробѣ, землею покровенна, водѣ утѣсняющей тѣло мое?“

Въ прекрасно задуманномъ и изложенномъ іеромонахомъ Никономъ и недавно изданномъ „Житіи и подвигахъ Святаго Сергія“ обозначены всѣ самыя видныя особенности этого замѣчательнаго, исключительнаго бытія, и говоря о немъ, мы не можемъ не заимствовать изъ названной книги.

Существуетъ въ церкви Новгородскаго архіерейскаго дома икона съ поясным изображеніемъ преподобнаго Сергія, писанная, по преданію, въ самый годъ обрѣтенія его мощей, однимъ изъ учениковъ его.

Коротко обстриженные волосы на мощномъ, сильно развитомъ черепѣ; длинные опадающіе къ низу усы и не особенно большая борода, строгое, сосредоточенное выраженіе лица, съ не великими, узкими очами, подъ осѣненіемъ дугъ сильно очерченныхъ бровей и нѣсколькими глубокими морщинами на лбу, вотъ тѣ вѣроятныя черты лика Преподобнаго, которыя сохраняются несокрушимыми въ богатой ракѣ лаврскаго

храма. Несокрушимыя во времени черты эти оставались, конечно, тѣми же когда въ раку святителя положенъ былъ новорожденный въ 1530 году Іоаннъ, будущій Грозный, „данный“ отцомъ своимъ великимъ княземъ Василіемъ чудотворцу и въ послѣдствіи всегда особенно благоволившій его монастырю; такимъ долженъ былъ предстать ликъ Сергіевъ и патріарху іерусалимскому Θеофану, посланному отъ вселенскихъ патріарховъ для поддержанія на Руси православія, когда онъ посѣтилъ монастырь въ игуменство Діонисія, непосредственно вслѣдъ за лихолѣтіемъ, велѣлъ открыть лицо Сергіево, отеръ его губкой, и, въ ужасѣ созерцанія нетлѣнія, осязалъ его руки и ноги; таковы, или приблизительно таковы, должны быть черты Сергіевы во гробѣ его и теперь; это и аскетъ, и мыслитель, и человѣкъ желѣзной воли, глубоко угодный Богу.

Святой Сергій, какъ и первосвятители славянства Свв. Кириллъ и Меѳодій, принадлежалъ къ роду знатныхъ бояръ,

а именно Ростовскихъ, и родился въ четырехъ верстахъ отъ Ростова Великаго, тамъ гдѣ стояла когда-то обронившая гдѣ-то въ исторіи свое имя „нѣкая весь“, а теперь расположена небольшая обитель Варницкая. Первый жизнеописатель Св. Сергія, его ученикъ, блаженый Епифаній, говоритъ о томъ что еще во чревѣ матери своей младенецъ во время одного изъ праздничныхъ богослуженій въ церкви, слышимо для всѣхъ, трижды въ главныя минуты литургіи вскрикнулъ. Митрополитъ Филаретъ замѣчаетъ по этому поводу что въ наше время „люди болѣе проницательные можетъ-быть осмѣливались бы догадываться что таинственный восторгъ благочестивой матери въ три важные періода священнодѣйствія сообщилъ необыкновенное возбужденіе жизни плоду, который она носила во чревѣ“, но въ то время когда жилъ Епифаній „любили не столько любопытныя умствованія“, какъ нынѣ, и признали только совершившійся фактъ. Если, какъ выше замѣчено было, существуетъ нѣкоторое

сходство въ очертаніяхъ дѣятельности Св. Апостола Павла и Св. Сергія, то и тутъ, въ этомъ преданіи передаваемомъ Епифаніемъ, сказывается желаніе народное пріобщить сродственностью судьбы Лаврскаго Преподобнаго съ судьбами другихъ очень важныхъ его предшественниковъ, а именно: Пророковъ Іереміи, Исаіи, Іоанна Крестителя, Николая Чудотворца и нѣсколькихъ другихъ, включительно до Петра митрополита Московскаго. Подобно тому какъ посвятила Св. Анна и ея мужъ своего будущаго сына Самуила на служеніе Богу, посвященъ былъ тому же еще до рожденія и Преподобный Сергій своими родителями. Онъ родился 3 мая 1319 и окрещенъ именемъ Варѳоломея.

Первые дни жизни Преподобнаго опять-таки ознаменовывались чудесами: младенецъ не бралъ груди матери своей когда матери случалось насыщаться мясною пищей, а также по середамъ и пятницамъ; истолкователь этого свѣдѣнія, митрополитъ Филаретъ, замѣчаетъ что въ этомъ сказывались „предшествовавшія расположенія матери и прояв-

лялись сѣмена будущихъ его, Сергія, расположеній".

Ученіе грамотѣ давалось подраставшему мальчику очень трудно; только благословеніе какого-то неизвѣстнаго старца принятаго въ ихъ домъ неожиданно пробуждаетъ въ немъ способности, и влеченіе къ уединенію и молитвѣ сказывается съ годами все сильнѣе. Замѣчательно что тяготу первыхъ ударовъ Москвы, объединявшей Русскую землю, пришлось испытать на себѣ именно тому ребенку который въ послѣдствіи, ставъ взрослымъ, отдаетъ себя всего именно этому единенію съ Москвой, во имя Бога. Случилось это такъ что въ Ростовъ Великій приглашены были изъ Москвы великокняжескіе воеводы, начавшіе хозяйничать въ немъ съ такимъ ухорствомъ что забирали имущество частныхъ лицъ и даже повѣсили внизъ головой ростовскаго градоначальника боярина Аверкія; многіе рѣшились тогда покинуть Ростовъ, и въ числѣ ихъ находились и родители Варѳоломеевы. Вопросъ о томъ куда имъ направиться разрѣшенъ

былъ тѣмъ что именно въ то время въ село Радонежское, данное въ удѣлъ великой княгинѣ Еленѣ, призывали переселенцевъ и давали имъ льготы; туда-то и направилась семья Варѳоломеева.

Не позже 1339 года умерли родители Варѳоломеевы, постригшись въ Хотьковскомъ монастырѣ; ушелъ въ тотъ же монастырь и Стефанъ, старшій братъ Варѳоломеевъ, и, наконецъ, на 21 году пришелъ туда же и самъ Варѳоломей. Оба брата, отыскивая уединенія и пустынножительства, скоро покинули монастырь и поселились въ лѣсу, въ десяти верстахъ отъ Хотьковскаго монастыря, и на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ красуется теперь Лавра поставили своими руками, въ 1340 году, церквицу во имя Св. Троицы. Отсюда начало будущаго монастыря, поставленнаго не инокомъ, не пострижеником, а юношей боярскаго рода. Постриженіе принялъ Варѳоломей уже послѣ ухода брата Стефана, въ этой самой церквицѣ въ 1342 году, отъ нѣкоего старца игумена Митрофана, и назвался тогда Сергіемъ,

имя, съ которымъ перешелъ онъ въ безсмертіе.

Безусловное уединеніе исполненное молитвъ и, если судить по разказамъ самого Преподобнаго, записаннымъ его ученикомъ и жизнеописателемъ, долгой борьбы съ различными воплощеніями бѣсовскими, не нарушалось для юноши въ теченіе трехъ лѣтъ. Только къ этому сроку провѣдали люди о замѣчательномъ отшельникѣ и его святой жизни и начали мало-по-малу приходить къ нему нѣкоторые для того чтобы поселиться съ нимъ вмѣстѣ.

Въ началѣ имѣлось всего двѣнадцать братій. Бóльшую часть работъ, напримѣръ постройку хижинъ, заготовленіе дровъ и пищи, омовеніе и погребеніе усопшихъ, шитье одежды, бралъ на себя самъ Сергій, причемъ, несмотря на холодъ, труды и долгія молитвы, сохранилъ большую физическую силу, такъ что, какъ говоритъ Епифатій, „имѣлъ силу противу двухъ человѣкъ“. Въ этомъ невеликомъ поселеніи отшельниковъ не имѣлось ни устава, ни начальника, и самая церковка построен-

ная Преподобнымъ служила только мѣстомъ сбора для молитвы, но не имѣла еще своего постояннаго священнослужителя.

Если цѣлые три года оставался Сергій безусловно одинокимъ, то не менѣе двѣнадцати лѣтъ длилось это такъ-сказать безформенное нарождавшееся развитіе общежитія, съ небольшими перемѣнами личнаго состава вслѣдствіе смерти того или другаго, но все еще непризнаннаго, неосвященнаго. Имѣлись уже въ пустынѣ налицо могилы нѣсколькихъ отошедшихъ и между ними игумена Митрофана, того же, можетъ-быть, который постригъ преподобнаго Сергія и пришелъ умереть подлѣ него, но ни своего игумена, ни опредѣленнаго устава еще не существовало. Только послѣ неоднократныхъ настояній братіи просившихъ Сергія принять, наконецъ, игуменство, рѣшилъ онъ отправиться къ святителю Аѳанасію, все еще надѣясь что не его, а кого-либо другаго дадутъ въ необходимые, законные руководители возникавшаго общежитія. Онъ ошибся, однако, несмотря на

полное отчужденіе отъ жизни, несмотря на тогдашнюю пустынность мѣстъ Радонежскихъ, въ которыхъ еще полвѣка спустя ловились бобры и цари Московскіе потѣшались охотой на бобровъ, лосей и медвѣдей, далеко еще не старый Сергій, сталъ уже извѣстенъ, даже нѣкоторымъ далекимъ святителямъ церкви; онъ долженъ былъ, наконецъ, уступить настояніямъ Аѳанасія когда тотъ сказалъ ему: „возлюбленный! ты все стяжалъ, а послушанія не имѣешь!“

Легко сказать, конечно, „ты все стяжалъ“, но если принять въ разчетъ что эти вѣскія слова обращены были маститымъ представителемъ Церкви, управлявшимъ митрополіей къ тридцатипятилѣтнему иноку, не имѣвшему, такъ-сказать, никакого офиціальнаго значенія, то становится понятнымъ какъ возрастало легендарное значеніе Сергія еще въ то время когда онъ не совершилъ, кромѣ основанія общежитія, ровно ничего изъ тѣхъ дѣяній которыя даютъ ему великое право на историческое значеніе. Необыкновенно было и самое посвященіе его въ игумены: поставлен-

ный немедленно по изъявленіи согласія въ иподіакона, онъ, при совершеніи литургіи, произведенъ въ іеродіаконы и на другой уже день облеченъ благодатію священства. Церковка построенная руками Сергія получила законное право освящаться служеніемъ литургіи, а безформенное бытіе братіи обращалось въ правильное, монастырское и какое монастырское: воплотився монастырь Троице-Сергіевъ.

Ничего общаго съ тѣмъ что имѣется теперь налицо въ богатой, вѣнчанной золотыми маковками Лаврѣ, не было тогда. По свидѣтельству извѣстнаго Іосифа Волоколамскаго, жившаго сто лѣтъ позже, нищета въ Сергіевомъ монастырѣ была такъ велика что книги писались не на пергаментѣ или хартіи, а на берестахъ; не всегда хватало инокамъ пшеницы для просфоръ, которыя, начиная отъ молотьбы пшеницы, Сергій любилъ изготовлять самъ; оказывался недостатокъ ѳиміама для кажденія, не доставало воска для свѣчъ, которыя опять-таки скатывалъ самъ игуменъ и вмѣсто свѣчъ и лампадъ зачастую го-

рѣли при богослуженіи лучины. Реликвіями этого далекаго времени являются хранимые въ лаврской ризницѣ деревянные сосуды употреблявшіеся Сергіемъ при священнодѣйствіи и его простое крашенинное облаченіе. Въ этой именно бѣдной ризѣ съ убогимъ посохомъ Сергія и древнѣйшимъ крестомъ его въ рукахъ, имѣя на груди старую бѣдную панагію, а на головѣ болѣе чѣмъ убогую митру, которую носилъ еще преподобный Діонисій — митрополитъ Платонъ, окруженный всѣмъ золотомъ, всѣмъ великолѣпіемъ своего клира, встрѣчалъ однажды Державныхъ посѣтителей Лавры; этому именно митрополиту Платону обязана Лавра наибольшимъ своимъ великолѣпіемъ.

Прошло еще десять, двѣнадцать лѣтъ, дремучіе лѣса окружавшіе юную обитель все еще существовали, и только мало-по-малу, благодаря бѣжавшей въ народѣ славѣ Сергія, пустыня стала давать прогалины и, наконецъ, подлѣ самаго монастыря проложена большая торная дорога въ сѣверные города. Тогда къ обители стали прибѣгать не только про-

стые люди, но бояре и князья; слухи о воскресеніи Преподобнымъ мертваго ребенка, объ исцѣленіи бѣсноватаго вельможи, о вызовѣ имъ изъ земли ключа живой воды, не достававшей обители, служили къ тому что дороги къ монастырю становились людными, шло заселеніе мѣстности и, наконецъ, еще при жизни самого Сергія поселенцы „исказиша пустыню и не пощадѣша, и составиша села и дворы многи“. Если принять въ разчетъ что во время земнаго бытія Сергія учениками его основано до 25 монастырей, а вообще отъ Сергіевой обители и ея подвижниковъ возникло въ послѣдствіи до 70 монастырей, повсюду сѣявшихъ вѣру, трудъ, грамотность и развитіе, то одно уже культурное значеніе насажденій Сергія чрезвычайно велико.

Въ длинномъ ряду многочисленныхъ легендъ и преданій унизывающихъ жизнеописаніе Сергія есть, между прочимъ, одно, очень граціозное, вполнѣ ясно обрисовывающее эту именно сторону дѣятельности монастыря. Вотъ это преданіе.

Стояла тихая лѣтняя ночь надъ обителью и преподобный Сергій въ келіи своей стоялъ на обычной молитвѣ; молился онъ, на этотъ разъ, за духовныхъ дѣтей своихъ, за братію, и неожиданно слышитъ голосъ зовущій его „Сергій“. Открывъ волоковое оконце келіи, какъ бы на чей-то простой зовъ, видитъ онъ сквозь листву древесную все небо объятымъ неописуемо-прелестнымъ свѣтомъ и по свѣту этому, по всему монастырю, вдоль всей его ограды, летаютъ какія-то красивыя, невиданныя имъ птицы и поютъ, поютъ необычайно сладостно! Неизвѣстный голосъ объяснилъ Сергію что такъ именно умножится число учениковъ его. Тотчасъ же оповѣщенный объ этомъ видѣніи самимъ Сергіемъ, одинъ изъ братіи успѣлъ увидѣть только частицу этого убѣгавшаго прелестнаго явленія, этого непонятнаго, таявшаго въ ночи свѣта и услышать несказанно сладко распѣвавшихъ невиданныхъ птицъ...

Сергію минуло пятьдесятъ лѣтъ, когда, по желанію вселенскаго патріарха и митрополита, введено въ обители обще-

житіе. Пришлось устроить особыя помѣщенія, назначены: келарь, духовникъ, экклесіархъ и пр.; употреблявшійся прежде въ обители уставъ студійскій, какъ болѣе простой, замѣненъ уставомъ іерусалимскимъ, требующимъ достаточнаго числа священниковъ, имѣвшихся уже въ обители. Сергій требовалъ отъ братіи безпрекословнаго послушанія и находилъ необходимымъ чтобы даже поступь монаховъ была тихая и спокойная, съ наклоненною головой, и чтобы наружность вполнѣ соотвѣтствовала внутреннему смиренію. Позже Іосифъ Волоколамскій, взявшій себѣ Сергія за образецъ, опредѣляетъ даже то какъ стоять монахамъ на молитвѣ: „стисни свои руцѣ и соедини свои нозѣ и очи смежи и умъ собери“ и прибавляетъ что, когда смотрятъ міряне, „тогда паче“. Одновременно съ устройствомъ въ обители общежитія введено въ ней странноприимство, отличающее ее и до сихъ поръ.

Если Сергію не удалось отклонить отъ себя игуменства, то другой, гораздо высшій санъ духовный, а именно предло-

женіе сдѣланное ему митрополитомъ Алексіемъ, посвятить его во епископа, а за симъ принять послѣ него и престолъ митрополичій, игуменъ Сергій отклонилъ. Этотъ отказъ вовсе не означалъ того чтобы Преподобный, посвятившій всего себя молитвѣ, подвигу и устроенію обители, какъ бы чуждался соприкосновенія со свѣтскою жизнью. Вовсе нѣтъ; тамъ гдѣ благо народа и православіе требовали этого участія, оно проявлялось полною мѣрой, и въ этомъ отношеніи стоитъ Сергій превыше многихъ, если не всѣхъ, дѣятелей церкви нашей и очерченъ на историческомъ горизонтѣ великою, поразительною своеобразностью.

Годы дѣятельности Св. Сергія были послѣдними годами существованія у насъ удѣльной системы, весьма много повинной какъ въ Татарскомъ игѣ, такъ и въ нарожденіи на западной границѣ нашей великихъ враждебныхъ силъ въ лицѣ умирающаго сегодня балтійскаго рыцарства и давно умершаго Царства Польскаго, со всѣми ихъ тяжкими послѣдствіями. Въ историческомъ разви-

тіи большихъ народовъ, въ нѣкоторые болѣе или менѣе продолжительные періоды ихъ, возникаютъ и имѣются налицо такія задачи отъ удачнаго или неудачнаго рѣшенія которыхъ зависитъ вся дальнѣйшая жизнь этихъ народовъ. По самому существу своему непостижимыя, путанныя, не усвоиваемыя современниками, они составляютъ мучительную, неопредѣленную медицинскою діагнозой болѣзнь времени, тѣмъ болѣе опасную что для многихъ, очень многихъ, болѣзнь эта кажется здоровьемъ, и потому что она пріятна имъ. Разобрать въ чемъ дѣло, прочесть имѣющееся налицо заданіе, какъ ту знаменитую огненную подпись на пиру Валтасаровомъ которую начертала таинственная рука, можетъ далеко не всякій, могутъ очень немногіе, можетъ-статься одинъ только человѣкъ. Такою надписью, горѣвшею въ тѣ дни надъ русскими землями, еще находившимися въ полномъ броженіи, было уничтоженіе удѣльной системы, въ силу которой престолонаслѣдіе переходило не отъ отца

къ сыну, а къ старшему въ родѣ. Кровью людскою и безконечнымъ ослабленіемъ страны свидѣтельствовалось послѣднее царство этой системы. Прямымъ слѣдствіемъ ея, понятнымъ, однако, въ тѣ дни очень немногимъ, явилось иго Татарское, тяготѣвшее надъ Русью, сложилась Польша, возникло балтійское рыцарство.

Если теперь причина этого зла совершенно ясна намъ; если мы, далекіе потомки, тѣмъ болѣе ясно понимаемъ ея что видимъ въ нынѣшнемъ могуществѣ Россіи прямое слѣдствіе того что̀ совершила другая система престолонаслѣдія, то догадываться о ней въ тѣ дни было далеко не легко и для этого требовалась особенно яркая государственная прозорливость. Возможность такого предвидѣнія, такой прозорливости была тѣмъ труднѣе что тогдашнее общеніе между отдѣльными княжествами, между частями будущей Россіи являлось слабымъ, неполнымъ; что о судьбахъ одного изъ княженій узнавалось въ другомъ только урывками, случайно и во всякомъ случаѣ не иначе какъ послѣ

совершившагося факта; что самая мысль о возможности цѣльной Россіи, что простое представленіе себѣ карты Россіи, въ тѣ годы могли быть дѣломъ только особенно сильнаго, великаго ума, того что̀ называемъ мы теперь на обиходномъ языкѣ нашемъ дѣломъ государственной геніальности.

Нельзя, конечно, и, пожалуй, не имѣетъ права изслѣдователь дѣятельности Преподобнаго Сергія и принимать свои соображенія за соображенія якобы руководившія имъ, но нѣкоторая догадливость, нѣкоторое наведеніе будутъ все-таки у мѣста. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ что мысль задумчиваго, сосредоточеннаго ребенка, уже въ самые ранніе дни его жизни, поставленная лицомъ къ лицу съ какимъ-то ему неизвѣстнымъ, но могущественнымъ положеніемъ вещей, заставившимъ его родителей покинуть родной имъ Ростовъ и переселиться въ весь Радонежскую, чтобъ эта мысль не имѣла для Сергія никакого значенія. Нельзя также не обратить вниманія на то что юноша

Сергій, почувствовавъ потребность уединенія и молитвы въ пустынѣ, ушелъ не куда-либо очень далеко, въ дебри Олонецкаго края, или Пермской земли, или еще далѣе, къ Соловкамъ, какъ это сдѣлали другіе подвижники, поселившись тамъ гдѣ уединеніе могло быть дѣйствительно совершеннымъ, а ограничился удаленіемъ въ ближніе предѣлы Ростовскіе, сравнительно все-таки болѣе населенные и, во всякомъ случаѣ, очень недалекіе отъ Москвы. Кто рѣшитъ: было это дѣломъ случая, или историческаго соображенія и провидѣнія?

Далѣе, если присмотрѣться внимательнѣе къ тѣмъ случаямъ жизни въ которыхъ Сергій проступалъ, продвигался въ кипучую дѣятельность общественныхъ задачъ и судебъ дня, то и въ этомъ сказывается опять-таки цѣлая своеобразная система. Если, какъ сказано, несомнѣнно то что мысль о значеніи единодержавія для Россіи теплилась уже давно въ свѣтлѣйшихъ умахъ нашихъ князей и святителей; если она нашла себѣ сознательное воплощеніе въ томъ, напримѣръ, что святитель

митрополитъ Петръ нашелъ нужнымъ переселиться навсегда изъ внушительнаго, богатаго, блиставшаго своими храмами Владиміра-на-Клязьмѣ въ только-что возникшій тогда городокъ Москву; если преемникъ его, святитель Алексій, устоялъ противъ искушеній обратнаго перенесенія митрополичьяго престола изъ Москвы во Владиміръ, то гораздо болѣе долгою, упорною, замѣчательною послѣдовательностью поражаетъ ясность этой мысли именно въ Сергіи.

Сергію не было еще и сорока лѣтъ когда, вполнѣ сознавъ значеніе для Россіи Москвы, онъ, покинувшій родные Ростовскіе предѣлы, именно вслѣдствіе московскихъ притязаній, посѣтилъ въ 1358 и 1363 году свой родной Ростовъ чтобъ уговорить князя Константина признать надъ собою власть великаго княженія Московскаго, что и было исполнено. Когда немного позже, а именно: въ 1365 году, нижегородскій князь Борисъ вздумалъ бороться съ Москвой и не подчиняться ей, то смирить князя посланъ былъ Сергій, который, по данной

ему отъ митрополита власти, не остановился предъ тѣмъ чтобы затворить въ Нижнемъ Новгородѣ всѣ храмы, прекратилъ богослуженіе и смирилъ непокорнаго князя Бориса. Есть основаніе полагать что въ 1371 году Сергій много способствовалъ примиренію князей Тверскаго и Московскаго. Въ 1385 году, по личной просьбѣ князя Дмитрія, Сергій отправился въ Рязань, для умиротворенія безпокойнаго князя Олега, достигъ этой цѣли и скрѣпилъ миръ и любовь семейнымъ союзомъ обоихъ княжескихъ домовъ, такъ какъ Софья Дмитріевна обвѣнчана съ сыномъ Олеговымъ Ѳеодоромъ. Всѣ эти великія по своимъ послѣдствіямъ странствія въ Нижній, въ Ростовъ и Рязань Сергій совершалъ, по своему обыкновенію, пѣшкомъ.

Но не одно только умиротвореніе князей подъ знаменемъ московскимъ поставилъ себѣ задачей Сергій; онъ дѣйствовалъ и въ другихъ случаяхъ, но исключительно подъ однимъ только угломъ зрѣнія, въ силу одной только Богомъ навѣянной мысли.

Когда послѣ Успеньева дня 1380 года по вновь проложенной на востокѣ столбовой дорогѣ, мимо Сергіевой обители, съ отборною дружиной, окруженный князьями и боярами выступилъ изъ Москвы великій князь Дмитрій Іоанновичъ противъ Мамая, Сергій благословилъ его и далъ ему двухъ иноковъ своихъ, бывшихъ бояръ и воиновъ, Пересвѣта и Ослябя. Никто иной какъ Сергій, вполнѣ ясно сознавая значеніе побѣды надъ Татарами для возникавшаго Великаго Княженія Московскаго, прислалъ на берега Непрядвы и Мѣчи старца Нектарія съ просфорой и собственноручною грамоткой къ князю, оканчивавшеюся ободрительнымъ совѣтомъ: „чтобы ты, господине, таки пошелъ, а поможетъ ти Богъ и Троица“. Прибытіе Сергіевыхъ посланца, просфоры и грамотки къ князю было разчитано съ умилительною сообразительностью: они появились въ станѣ въ самое утро боя, и можно представить себѣ какъ своевременно разнеслась тогда по войску вѣсть о преподанномъ изъ Троицы Сергіевомъ благословеніи?

Въ числѣ ударовъ мечей нашихъ несомнѣнно участвовала святость этого благословенія. Пока гудѣла сѣча Куликовская, ясновидѣніе Сергія, скликнувшаго на молитву всю братію, такъ сообщаетъ преданіе, и прозрѣвавшаго, какъ бы былъ онъ очевидцемъ, все происходившее на полѣ битвы, дѣлало свое: Преподобный произносилъ поименныя заупокойныя молитвы за тѣхъ кто падалъ въ бою и, наконецъ, въ соотвѣтствующій часъ возвѣстилъ о полномъ пораженіи Мамая. Куликовская побѣда была первымъ лавровымъ листкомъ въ вѣнкѣ возникшей тогда знаменемъ единой для Русскихъ Россіи—Москвы; особенно тщательно вплеталъ его Сергій.

Въ 1389 году, 19 мая, ровно пять столѣтій тому назадъ, въ полномъ разцвѣтѣ жизни и славный своимъ княженіемъ, умиралъ Дмитрій Іоанновичъ Донской. Въ безмолвіи и горести стояли у его смертнаго одра бояре, собраны были дѣти и пришла, слабая отъ родовъ послѣ шестаго сына, супруга его Евдокія. Сказавъ нѣсколько вѣщихъ словъ, умиравшій великій князь пред-

ставилъ своимъ боярамъ семнадцатилѣтняго Василія, какъ будущаго ихъ государя, простился и сказавъ: „Богъ мира да будетъ съ вами“, сложилъ руки на груди и скончался. Новый порядокъ княженія, наслѣдованіе отъ отца къ сыну, установился, потому что еще при жизни Донскаго подписано было призванными съ этою цѣлью десятью главными боярами и двумя игумнами духовное его завѣщаніе, отстранявшее навсегда наслѣдованіе старшихъ въ родѣ и убившее въ корнѣ всѣ печали, всю смертельную немощь удѣльной системы. Подъ этимъ могущественнымъ документомъ (Собр. Госуд. Грам. 1, 61 и Воскрес лѣтоп. II, 56) имѣется и подпись преподобнаго Сергія.

Всѣ перечисленные историческіе факты являются, такъ-сказать, цѣлымъ ожерельемъ сознательныхъ, яркою системой проступающихъ дѣяній, въ политическомъ смыслѣ чрезвычайно вѣскихъ, которымъ можетъ быть украшена историческая дѣятельность Сергія. Удивительно что тогда же, на послѣдяхъ земной жизни его, народное преданіе

уже облюбовало художественный обликъ Сергія и заставляетъ его дѣйствовать въ томъ же смыслѣ и въ послѣдующіе вѣка. Такъ, сто тридцать лѣтъ спустя послѣ битвы съ Мамаемъ, когда Москва уже собралась, уже сказала во многомъ свое вѣское слово, ей предстояло довершать начатое, и царь Іоаннъ Грозный долженъ былъ идти на Казань, ключомъ ко взятію Казани основанъ былъ въ 1551 году городъ Свіяжскъ. Преданіе весьма опредѣлительно говоритъ что основаніе Свіяжска и самое мѣсто будущаго города предварено многократными явленіями на этомъ мѣстѣ преподобнаго Сергія. Преданіе говоритъ также что въ часы рѣшительной битвы подъ Казанью въ шатеръ царя прибылъ съ благословеніемъ опять-таки отъ Сергіевой обители, а не отъ какой-либо другой, инокъ Адріанъ. Чрезвычайно красиво и художественно другое современное тѣмъ днямъ преданіе, касающееся опять-таки Москвы. Много уже лѣтъ почивалъ въ гробу своемъ святитель Сергій, когда, въ 1521 году, нечестіе Москвы подняло его изъ гро-

ба. Дѣло въ томъ что въ нѣкій таинственный часъ, какъ разъ въ годъ нашествія на Россію Махметъ-Гирея, истосковавшись нечестіемъ Москвы, цѣлый сонмъ ея святителей всталъ изъ гробовъ своихъ и думалъ удалиться изъ города. Необыкновенный шумъ сопровождалъ это таинственное, лучезарное шествіе почившихъ, двигавшихся неслышною поступью въ своихъ великолѣпныхъ священническихъ одѣяніяхъ изъ Кремля во Флоровскія (Спасскія) ворота. Возставшіе изъ гробовъ святые митрополиты: Петръ, Алексій, Іона, Леонтій Ростовскій и многіе другіе уносили съ собою также чудотворный образъ Божіей Матери; они уже повинули Кремль и направились по Ильинской улицѣ, когда неожиданно повстрѣчали Св. Сергія и Варлаама Хутынскаго. Сонмъ усопшихъ остановился. Спросивъ святителей почему они уходятъ и получивъ отвѣтъ что уходятъ они изъ Москвы за ея нечестіе и по волѣ Божіей, Сергій и Варлаамъ уговорили ихъ остаться, сохранить городу его святыню и уми-

лоставить Бога. Тутъ же совершено было всѣмъ сонмомъ почившихъ молитвословіе, и возставшіе возвратились во свои гробы, полегли въ нихъ и вновь стерегутъ нашу православную матушку-Москву. Спаслись тогда отъ погрома татарскаго какъ Москва, такъ и обитель святаго Сергія.

Если въ нашемъ быломъ историческая дѣятельность Св. Сергія высится вполнѣ опредѣлительно и своеобразно, то и въ длинномъ ряду нашихъ святыхъ помѣчена она тоже нѣсколькими исключительными, только ей принадлежащими, особенностями. Уже самый фактъ открытія мощей его только тридцать лѣтъ спустя послѣ смерти, когда еще живы были тысячи людей лично видѣвшихъ, слышавшихъ и знавшихъ Сергія, является чуть ли не единичнымъ, свидѣтельствующимъ съ поразительною наглядностію о томъ исключительномъ благоговѣніи какимъ окружена была въ народѣ память преподобнаго Сергія. Но и, кромѣ того, въ земномъ бытіи его имѣется много чертъ вполнѣ самостоятельныхъ, другимъ преподобнымъ

не принадлежащихъ. Такъ передано жизнеописателемъ его Епифаніемъ что ему, какъ это видѣли другіе, при священнодѣйствіи литургіи сослужили Ангелы, и что это, по словамъ самого Сергія, бывало „не теперь только, а и всегда“; видѣли другіе что на Святыя Тайны, при службѣ Сергія, сходилъ огонь небесный, двигался по престолу, обвивался вокругъ трапезы, сходилъ внутрь хранящагося въ ризницѣ Лавры и теперь деревяннаго потира, и Сергій причащался этого огня „неопально, какъ древле купина неопально горѣвшая“. Но почти совершенно исключительнымъ является посѣщеніе святаго Сергія самою Богоматерью.

Это случилось въ глубокую ночь, послѣ молитвы Преподобнаго въ Богоматери о сохраненіи и преуспѣяніи обители. Усталый сѣлъ онъ на скамью и какъ бы предощущая приближеніе необыкновеннаго явленія предупредилъ о немъ находившагося тутъ же келейнаго ученика своего Михея. Явленіе это дѣйствительно не только совершилось, причемъ Богородицу сопровождали апостолы Петръ

и Іоаннъ Богословъ, но Богоматерь даже прикоснулась къ Сергію своею небесною рукой, когда ослѣпленный лучезарностію явленія онъ палъ предъ Нею ницъ. Небесная Пришелица объявила ему что явилась посѣтить его именно, что Она всегда останется при обители и будетъ покрывать ее Своею всемогущею защитой. Михей, находившійся тутъ же, не удостоился видѣть Богоматерь, не слышалъ, ея голоса и, будто низвергнутый на земь великимъ ужасомъ, замѣтилъ только свѣтъ небесный...

Видѣть на яву Богородицу, слышать Ея голосъ и даже испытать Ея прикосновеніе, этого не было дано никому изъ святыхъ; видѣть на яву довелось, кажется, только преподобному Аѳанасію Аѳонскому. Лаврскій образъ этого Сергіева видѣнія, складной, устроенъ въ монастырскомъ соборномъ храмѣ Троицы надъ южною дверью; надпись на задней сторонѣ его свидѣтельствуетъ о номъ что доска на которой онъ писанъ взята отъ гроба Сергіева. Это одна изъ наиболѣе почитаемыхъ иконъ нашихъ

и вполнѣ единственная тѣмъ что̀ довелось ей самой видѣть. Такъ, въ 1654 году царь Алексѣй Михайловичъ бралъ ее съ собою въ польскій походъ; въ 1703 году царь Петръ послалъ ее въ станъ графа Шереметева во время войны съ Карломъ XII; въ 1812 году митрополитъ Платонъ вручилъ ее Александру I, передавшему ее Московскому ополченію; въ 1855 году митрополитъ Филаретъ передалъ ее Александру II и образъ находился при арміи въ Крыму; наконецъ, въ 1877 году Александръ II принялъ икону отъ митрополита Иннокентія и она находилась въ Турціи при нашихъ войскахъ до заключенія мира. Въ настоящую минуту снова высится этотъ образъ на завѣтномъ мѣстѣ: надъ южною дверью собора, и ожидаетъ дальнѣйшихъ судебъ Провидѣнія: гдѣ быть ему снова и откуда возвратиться? Могущественный „печальникъ земли Русской“ Сергій безмолвно слѣдитъ за судьбами дорогой ему Россіи, для возрастанія которой сдѣлалъ онъ такъ исключительно много. „Время общественныхъ бѣдствій“, говоритъ Муравьевъ,

„есть его, Сергіево, время, когда все уже кажется гибнущимъ, тогда воздвигается Сергій!“

„Полюби Святаго Сергія, говоритъ Муравьевъ въ другомъ мѣстѣ, онъ былъ Русскій въ душѣ!“ И это дѣйствительно такъ, и неудивительно что всѣ великіе князья Московскіе, всѣ цари наши съ царицами, всѣ Императоры и ихъ вѣнцѣносныя супруги, всѣ лица Царствующаго Дома, почившіе и живые, побывали въ свое время у святаго Сергія и поклонились ему. Особенно сильно, если можно такъ выразиться, съ какою-то страстностію чтилъ его память Іоаннъ IV Васильевичъ; имѣется свѣдѣніе о томъ что новорожденный, будущій Грозный, былъ положенъ въ раку Святителя; это еще вопросъ далеко не рѣшеный: не была ли насущною необходимостью тѣхъ дней жестокость Іоаннова, направленная на крамольныхъ бояръ, а что въ этой жестокости, выродившейся, въ силу многихъ условій, въ болѣзненное неистовство, что въ основаніи ея лежала благая мысль объединенія Россіи, запо-

вѣдная мысль Сергіева, въ этомъ нѣтъ, и не можетъ быть никакого сомнѣнія, и это никогда и никѣмъ не отрицалось.

Великую трудность представляетъ изслѣдованіе дѣятельности крупнѣйшихъ представителей святоотческой жизни нашей православной церкви! Причина кроется въ томъ что за ними, за этими дѣятелями, если можно такъ выразиться, поличнаго, документальнаго осталось, и должно было остаться, очень мало. Они прошли надъ родиной своею незримымъ, благотворнымъ вѣяніемъ, остающимся и понынѣ какою-то свѣтлою весной, не единожды только въ году, призывающею къ жизни, но пробуждающею ея молчаливо, но настоятельно и постоянно. Молитва, совѣтъ, наставленіе, когда-либо сказанные ими, не поличное, не документъ, а между тѣмъ, въ свое время, эти люди имѣли громадное, вершительное значеніе. Какъ разъ крупнѣйшіе, самостоятельнѣйшіе святители церкви нашей, высящіеся въ далекомъ быломъ, оставили за собою очень немного вещественныхъ доказательствъ

своихъ воззрѣній. Оно и понятно: монашество должно быть скромно и молчаливо. Намъ положительно извѣстны почти только тѣ моменты дѣятельности святителей въ которые они соприкасались съ дѣятельностію свѣтскихъ представителей власти; въ этихъ случаяхъ принимался за привычное дѣло дьякъ или лѣтописецъ, оставлялъ какой-либо слѣдъ въ хартіи, или на пергаментѣ, или, наконецъ, на лоскуткѣ, длиной съ небольшимъ въ вершокъ, шириной около двухъ, какъ та грамотка, одна изъ древнѣйшихъ сохраняемыхъ въ монастырскомъ архивѣ, которая дана однимъ изъ князей на владѣніе озеромъ преподобному Никону, преемнику Св. Сергія. Дѣятельности нашихъ былыхъ святителей, подобно тому какъ читается дѣятельность властителей свѣтскихъ, въ буквенныхъ знакахъ, полностью не прочесть: ихъ надо угадывать, возсоздавать, достраивать собственною мыслію. Не подлежитъ никакому сомнѣнію что если церковная живопись усвоила за изображеніями святыхъ не только особенности чертъ лица, краски волосъ,

но даже особые колера одѣяній каждаго изъ нихъ, то и въ очертаніяхъ ихъ духовно-этическихъ типовъ есть не менѣе особыя, только тому или другому принадлежащія черты. Какъ безконечно разнятся одинъ отъ другаго, при полномъ сходствѣ въ исповѣданіи православія, Нилъ Сорскій, Іосифъ Волоколамскій, Зосима Соловецкій, митрополитъ Филиппъ, Кириллъ Бѣлозерскій, Сергій Радонежскій? Не замѣтить этихъ несходствъ нельзя, на нихъ сложились цѣлые циклы историческихъ развитій.

Если какъ сказано выше, еще при жизни Сергіевой ученики его основали 25 монастырей, а отъ Троице-Сергіева монастыря образовалось ихъ около 70, то, ознакомившись съ земнымъ бытіемъ Сергія, нельзя не ознакомиться и съ судьбами самаго монастыря. Наиболѣе цѣльною касающеюся монастыря работой остается и по сегодня описаніе сдѣланное еще въ 1841 году покойнымъ ректоромъ Московской Духовной Академіи Горскимъ, профессоромъ церковной исторіи, авторомъ мно-

гихъ ученыхъ изслѣдованій и открытій въ древней словесности русской; книга эта исправлена митрополитомъ Филаретомъ и дополнена архимандритомъ Леонидомъ. Очень важны также: *Путеводитель изъ Москвы въ Троице-Сергіевскую Лавру* Снегирева, *Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь* Шевырева, *Путешествіе по святымъ мѣстамъ русскимъ* Муравьева, *Историческія воспоминанія и замѣчанія на пути въ Троицу* Карамзина. Но все это въ значительной степени устарѣло, хотя и очень хорошо. Слѣдуетъ ожидать болѣе полнаго описанія, потому что состоявшееся обнародованіе многихъ документовъ въ нашихъ историческихъ изданіяхъ и изслѣдованіе новѣйшихъ историковъ бросили новый свѣтъ на нѣкоторыя страницы бытія Лавры.

Еще при жизни Сергія, монастырь, начавшійся съ малой церкви и нѣсколькихъ келій, построенныхъ имъ самимъ, съ нѣсколькихъ могилъ, вырытыхъ тоже имъ самимъ, основателемъ, являлся уже весьма значительнымъ и окруженнымъ поселками: лѣсная пустыня, въ ея мол-

чаніи, была „искажена“. Первыя средства на построеніе доставлены самому Сергію нѣкіимъ смоленскимъ архимандритомъ Симономъ, принесшимъ „въ руцѣ святому многое имѣніе“. По сожженіи монастыря Едигеемъ, семь лѣтъ спустя по смерти основателя, онъ началъ отстраиваться снова, но все еще оставался снова огороженнымъ деревяннымъ тыномъ и имѣлъ постройки большею частью деревянныя. Особенно много сдѣлалъ для монастыря Іоаннъ Грозный и лучшія зданія принадлежатъ ему; хотя каменная ограда начала подниматься еще во время малолѣтства Іоаннова, но какъ главныя средства, такъ и исключительныя распоряженія для ея окончанія, какъ, напримѣръ, разрѣшеніе брать даромъ, гдѣ бы они по сосѣдству ни нашлись, камень и известь и то чтобы крестьяне ближнихъ мѣстъ не были занимаемы никакими иными работами кромѣ построенія стѣны, доколѣ стѣна не устроится,—сдѣланы и даны были Грознымъ. Каждое слѣдовавшее царствованіе совершало для многочтимой обители свое, и изъ описи со-

ставленной въ концѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича видно что святыня монастырская, послѣ литовскаго погрома, врасовалась опять во всемъ великолѣпіи, окруженная готовою стѣной въ 550 саженъ длины, съ 12 башнями, вооруженныя 90 орудіями, изъ которыхъ нѣкоторыя, въ память ихъ плѣненія отъ враговъ, назывались „полоняниками“. Очень многое сдѣлано для монастыря митрополитомъ Платономъ, законоучителемъ великаго князя Павла Петровича, умершемъ въ 1812 году и покоящимся не вдали отъ Лавры, въ устроенной имъ Виѳаніи и, наконецъ, знаменитымъ митрополитомъ Филаретомъ, умершимъ въ 1867 году и покоящимся въ одной изъ церквей Лаврскихъ, невдали отъ ученаго Максима Грека, когда-то злобно оклеветаннаго, подъ вѣчное чтеніе Псалтири.

Кто изъ Русскихъ не посѣщалъ Лавры? Кто не помнитъ впечатлѣнія производимаго ею, если подъѣзжать къ ней, а такъ именно и подъѣзжаютъ теперь отъ желѣзной дороги съ южной стороны. Именно отсюда, съ южной и

западной стороны, смотрѣли когда-то на монастырь Поляки и Литовцы, какъ на недоступное лакомство, не поддававшееся ихъ вождѣленію; почти такою же съ очень малыми измѣненіями должна она была представляться имъ, какъ представляется теперь и намъ. Мѣстность волниста и, несмотря на то что она вся густо застроена, нельзя не отличить того основнаго холма, той „маковицы“, отъ которой идетъ древнѣйшее названіе обители „иже на Маковцѣ“. Самъ Сергій въ одномъ изъ многочисленныхъ явленій своихъ говоритъ о себѣ: „азъ есмь Сергіе Маковскый“.

Выше всего поднимается колокольня, въ сорокъ слишкомъ саженъ вышины, построенная по плану Растрелли; на ней висятъ не менѣе сорока звучныхъ языковъ колокольныхъ и во всѣхъ колоколахъ вмѣстѣ взятыхъ гудятъ когда нужно 8.600 пудовъ мѣди; если припомнить что маленькій валдайскій колокольчикъ заливающійся и по нынѣ подъ дугами ямщичьихъ троекъ, тамъ гдѣ не глянула желѣзная дорога, а такихъ мѣстъ у насъ еще видимо-невидимо, что если

такой колокольчикъ въ два фунта вѣса слышенъ за версту и болѣе, то становится совершенно понятнымъ какую внушительную наступательную тьму темъ катящихся звуковъ можетъ послать въ воздухъ одна эта колокольня и и какъ далеко слышенъ мелодичный голосъ монастыря. Но вѣдь въ монастырѣ имѣется и много другихъ колоколовъ и Лавра можетъ звучать вся цѣликомъ. Съ колокольни кругозоръ очень великъ; хорошо видна недалекая церковь села Деулина, воздвигнутая царемъ Михаиломъ и его отцомъ-патріархомъ на память знаменитаго мира заключеннаго именно въ этомъ селѣ. Самый могучій голосъ принадлежитъ крупнѣйшему во всей Россіи изъ числа всѣхъ дѣйствующихъ колоколовъ „Царю колоколу“, въ 4.000 пуд. вѣсу, перелитому при Елисаветѣ Петровнѣ изъ другаго разбитаго съ прибавкой къ нему 1.000 пуд. мѣди; онъ повѣшенъ ровно 130 лѣтъ тому назадъ. Между другихъ его товарищей одинъ — даръ боярина Бориса Годунова, другой—царя Бориса; не въ душѣ ли своей думалъ заглушить царь

Борисъ множествомъ дарованныхъ имъ въ разные храмы колоколовъ голосъ вспуганной совѣсти своей? впрочемъ: рѣшенъ ли еще вопросъ о силѣ этой виновности?

Два другія сооруженія выдающіяся въ общемъ видѣ Лавры подъ кущами окружающихъ ихъ деревьевъ это Успенскій соборъ и зданіе трапезы съ церковью преподобнаго Сергія. Очень ясны по гранямъ обрамленія лаврскихъ стѣнъ ея девять башенъ; ближайшею справа высится Пятницкая, цвѣтомъ красная, слѣва—Водяная. На верху первой изъ нихъ устроены помѣщенія для студентовъ Духовной Академіи, мирно подготовляющихся къ исполненію своихъ будущихъ важныхъ обязанностей, а въ тяжелую годину осады именно на эту башню обращены были главныя усилія Поляковъ, сюда стрѣлялъ панъ Лисовскій, сюда веденъ подкопъ, устье котораго найдено осажденными при одной изъ удачныхъ вылазокъ. На первомъ планѣ за рѣчкой Кончурой разстилается лаврскій садъ; онъ называется также Пафнутьевымъ, въ силу преданія о томъ будто

бы сынъ стрѣлецкаго головы Пафнутій Сагалаевъ, во время стрѣлецкаго бунта, когда Петръ находился уже въ монастырѣ, узнавъ объ умыслѣ на жизнь его, поспѣшилъ сюда и сообщилъ объ этомъ царю, гулявшему по саду; царь поцѣловалъ юношу и повелѣлъ саду этому именоваться впредь Пафнутьевымъ.

Общее впечатлѣніе обители чрезвычайно богато; множество золотыхъ маковокъ искрятся въ небѣ; пестрѣютъ краски зданія трапезы и куполовъ и все это объято кольцомъ бѣлыхъ стѣнъ, скрѣпленныхъ, спаянныхъ пестрыми башнями, стѣнъ изрѣзанныхъ бойницами и достигающихъ мѣстами шестисаженной вышины, при ширинѣ въ три сажени. По этой каменной, возвышенной дорогѣ совершаются крестные ходы; на этихъ же стѣнахъ является иногда Святой Сергій, когда въ тяжелыя минуты жизни обители считаетъ онъ это нужнымъ; являлся онъ, какъ извѣстно, въ станѣ нашихъ войскъ и подъ Казанью. Въ пестротѣ и блескѣ общей картины Лавры, полное особенное единеніе даютъ всѣмъ раздробленныхъ ча-

стямъ ея зелень вѣковыхъ деревьевъ, разсѣянная повсюду, и православные кресты на высшихъ точкахъ сооруженій. Вся совокупность ихъ, если глядѣть на нее издали, напримѣръ, отъ Виѳаніи, не лишена, какъ это замѣтилъ Муравьевъ, сходства съ блестящею золотомъ короной. Лавра окружена почти сплошною массой слободскихъ и другихъ строеній, множествомъ лавокъ и торговыхъ ларей, вполнѣ необходимыхъ для вѣчно присущей и снующей здѣсь пестрой толпы богомольцевъ и другихъ пришлыхъ людей. Замѣтные мѣстами по сторонамъ Лавры церкви и скиты составляютъ какъ бы архитектурное продолженіе ея въ далекую окрестность и исчезаютъ наконецъ вдали въ волнистыхъ очертаніяхъ и синеватой дали чисто русскаго пейзажа.

Если въѣхать въ обитель въ святыя ворота подъ одною изъ башень, то почти всѣ главныя сооруженія становятся видимы сразу; между ними разбиты отѣненныя деревьями куртины, по дорожкамъ уложеннымъ плитами толпится народъ. Отовсюду являются сюда люди,

поклоняются святынѣ и, воспользовавшись болѣе или менѣе долго монастырскимъ гостепріимствомъ, уносятъ съ собою на память образки, четки, рисунки и книжки, всегда находящіеся налицо въ достаточномъ количествѣ; тутъ имѣется для этой цѣли своя живописная мастерская, помѣщающаяся въ одной изъ линій братскихъ келій, съ 60 мальчиками обучающимися, подъ руководствомъ іеромонаха, греческой живописи, а также литографія и фотографія, устроенныя въ Плотничной башнѣ.

Описаніе лаврской святыни, ея достопримѣчательностей, ея воспоминаній, можетъ быть сдѣлано или въ краткомъ болѣе или менѣе живописномъ очеркѣ, или въ обстоятельномъ подробномъ изслѣдованіи. Очеркъ предпочтительнѣе потому что въ немъ можетъ быть намѣчено только главное, основное, красочное, достаточно яркое, однако, для того чтобы дать о Лаврѣ понятіе незнающему ея и воскресить полностью воспоминаніе въ человѣкѣ посѣтившемъ святыню. Очень любопытно было бы, напримѣръ, сообщить данныя о Духовной Академіи, вы-

пустившей столькихъ выдающихся дѣятелей и помѣщающейся въ сѣверо-восточномъ углу обители, въ нѣсколькихъ зданіяхъ извѣстныхъ, когда-то, подъ именемъ „чертоговъ“; чертоги эти еще носятъ черты временъ Елисаветы Петровны, картины, эмблемы, надписи; назидательно было бы подробное ознакомленіе рѣшительно со всѣми храмами обители, съ домомъ призрѣнія больныхъ и безпомощныхъ, съ лаврскимъ училищемъ имѣющимъ до 250 мальчиковъ, съ гостиницами и помѣщеніями для странниковъ и странницъ, съ больницами, но все это общее у Троицкой обители съ другими. Слѣдуетъ ограничиться главнѣйшимъ, исключительнымъ, ей одной по праву принадлежащимъ.

Велика и внушительна каменная масса обители, но, какъ прятался нѣкогда Сергій въ своей пустынѣ, такъ что люди пришлые не могли признать его, такъ прячется въ ней, едва замѣтная и не отовсюду своимъ одинокимъ, маленькимъ куполомъ видная — церковь Св. Троицы. Храмъ этотъ, въ которомъ въ двойной ракѣ почиваютъ мощи его осно-

вателя, стоитъ, вѣроятно, на томъ же мѣстѣ на которомъ нѣкогда срубилъ Святой Сергій свою церковку, въ которой, за недостаткомъ іерея, долгое время не совершалась даже литургія. Эта церковка сгорѣла семь лѣтъ спустя по кончинѣ Сергія, въ нашествіе Едигея, въ 1408 году, и мѣсто на которомъ она стояла и стоитъ нынѣшній храмъ нѣсколько лѣтъ пуставало, чему была своя основательная причина. Сергій, какъ извѣстно, умирая, заповѣдалъ братіи похоронить его не въ церкви Св. Троицы, а на общемъ кладбищѣ, вмѣстѣ съ прочими усопшими братьями, онъ заповѣдалъ это, но только безъ „заклятія“, чѣмъ обусловилось то что братія, съ разрѣшенія митрополита Кипріяна, похоронили его все-таки въ церкви Св. Троицы; когда Татары сожгли ее и воздвигнута была временно другая деревянная церковь Св. Троицы, то поставлена она была не на пепелищѣ старой, а въ сторонѣ, потому что старое мѣсто, на которомъ подъ открытымъ небомъ покоился Сергій, предназначалось уже тогда

на возведеніе каменнаго, болѣе богатаго храма, что̀ и исполнено въ 1422 году, съ открытіемъ мощей.

Вѣроятно этотъ именно храмъ, безъ особыхъ, существенныхъ измѣненій, и глядитъ на насъ сегодня. Весьма не великій, девять саженъ въ длину и семь въ ширину, онъ, какъ сказано, остается скромнымъ и не особенно замѣтнымъ между другихъ сооруженій; надъ четырехскатною крышей поднимается на невысокой шеѣ одинокій луковичный куполъ, на немъ третья позолота, 1880 года, такъ какъ двѣ другія — Іоанновну 1556 года и позолоту средины XVIII вѣка, слизало время. Не болѣе прочна оказалась стѣнопись внутри храма, одѣвающая всѣ свободныя его поверхности, незанятыя иконами: со времени возникновенія храма она въ 1854 году возобновлена въ четвертый разъ, такъ что отъ первоначальныхъ работъ иноковъ Андрея Рублева и Даніила сохранились, можетъ-быть, частію одни только очертанія на темно-золотомъ фонѣ. Обиліе золота и серебра въ храмѣ этомъ кажется еще бо́льшимъ

вслѣдствіе его малости, и многія сотни темнѣющихъ ликовъ въ оглавіяхъ, съ цатами и безъ нихъ, одухотворяютъ, въ особенности для того кто умѣетъ читать по нимъ, каменную и металлическую основу храма. Пятиярусный иконостасъ, полный иконъ, дважды обитъ серебряною позолоченною ризой; два основные столба возвышающіеся между молящихся тоже обставлены крупными иконами, круглыя арки тоже блистаютъ изображеніями, а малыя иконы тянутся по верху вокругъ плотнымъ драгоцѣннымъ поясомъ. Алтарная часть изобилуетъ свѣтомъ падающимъ отъ задняго окна. Къ серебру облекающему иконостасъ и столбы слѣдуетъ прибавить серебро алтаря и массивной сѣни его украшающей (около 7 пудовъ вѣсу), серебряный симисвѣщникъ и дарохранительницу (9 фунтовъ золота и 32 фунта серебра) устроенныя иждивеніемъ митрополита Платона, серебро и золото царскихъ вратъ, украшенныхъ еще Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, громадный серебряный хоросъ, висящій посреди храма на цѣпяхъ (5 пудовъ вѣсу), еще три

паникадила и многое множество лампадъ и богатыхъ церковныхъ утварей. Очень характерно что въ дарохранительницѣ на престолѣ, небольшія фигуры апостоловъ сдѣланы изъ золота и одинъ только Іуда изъ мѣди; оригинальный художественный пріемъ для выраженія сравнительной цѣнности изображаемаго? Между древнихъ иконъ много замѣчательныхъ, но первенствующія, безъ сомнѣнія: чудотворный образъ Св. Троицы, обложенный золотомъ и каменьями еще въ 1600 году царемъ Борисомъ, и образъ видѣнія Богоматери преподобнымъ Сергіемъ, о которомъ помянуто выше.

Но главную святыню храма, духовный центръ его, составляютъ почивающіе у южной стѣны, близъ иконостаса, мощи Св. Сергія. Какъ уже упомянуто, Грозный, едва увидавшій свѣтъ Божій, былъ положенъ въ раку Преподобнаго, но этой прежней раки не существуетъ болѣе; извѣстно только что она была мѣдная, рѣшетчатая, и что въ ней, до устроенія серебряной, почивалъ Препо-

добный; сохранился до сегодня деревянный гробъ въ которомъ мощи Сергіевы обрѣтены; гробъ этотъ перенесенъ въ Спасо - Вифанскій монастырь. Святой основатель обители почиваетъ теперь въ двухъ ракахъ: первая, внутренняя, устроена изъ серебра Грознымъ, вторая—внѣшняя, пожертвована императрицей Анной въ 1737 году, имѣетъ болѣе 25 пудовъ вѣсу и, по витіеватому рисунку деталей, вычурности орнаментовъ и какой-то давящей грузности, вполнѣ сохраняетъ черты художественности рисунка какъ ее понимали полтораста лѣтъ назадъ. Надъ ракой тяготѣетъ тяжелая сѣнь. Многія негаснущія лампады окружаютъ ее, а въ головахъ горитъ вѣчный елей.

Блескъ безчисленныхъ свѣчъ, то и дѣло возобновляемыхъ, перебѣгаетъ живыми искрами по холоду драгоцѣнныхъ металовъ, и черное одѣяніе гробоваго монаха при мощахъ кажется отъ этого еще темнѣе.

Значительно инымъ является впечатлѣніе производимое второю святыней Лавры, Успенскимъ соборомъ. Пять лу-

ковичныхъ главъ его (изъ нихъ позлащена только средняя, а остальныя—голубыя усыпанныя золотыми звѣздами), бросаются прежде всего въ глаза путнику, одновременно съ колокольней и трапезой. Соборъ этотъ почти втрое больше Троицкаго, и на западномъ фронтѣ его виднѣется чрезвычайно характерная, полная мысли надпись: „Вѣдомому Богу“. Поводомъ къ этой надписи, по объясненію Снегирева, послужили митрополиту Платону, вопервыхъ, надпись которую на одномъ изъ языческихъ храмовъ въ Аѳинахъ встрѣтилъ Апостолъ Павелъ и которая гласила: „Невѣдомому богу“, и, вовторыхъ, слова пророка Давида: „Вѣдомъ во Іудеи Богъ“. Соборъ этотъ—тоже каменное дѣяніе полувѣковаго царствованія Грознаго, но оконченъ онъ и освященъ въ присутствіи царя Ѳеодора и царицы Ирины, годъ спустя по смерти Грознаго, т.-е. въ 1585 году; слѣдовательно онъ на полтораста слишкомъ лѣтъ юнѣе Троицкаго, что и замѣтно въ очень многомъ. Соборъ очень свѣ-

тель, потому что подъ каждымъ изъ пяти куполовъ, на барабанахъ, расположено по восьми оконъ и, кромѣ того, на кубическомъ основаніи храма, на его стѣнахъ, окна идутъ въ два свѣта; въ этомъ обиліи свѣта проступаетъ очень ярко стѣнная живопись конца XVII вѣка, распространяющаяся рѣшительно повсюду, включительно до куполовъ; она подновлена въ концѣ XVIII вѣка и еще лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ. Очень высокій, пятиярусный иконостасъ устроенъ лѣтъ полтораста тому назадъ и иконы его часто подновлялись; предъ девятью мѣстными иконами висятъ грузныя серебряныя лампады, даръ царей Петра и Іоанна Алексіевичей; предъ престоломъ сѣнь, а запрестольный крестъ утвержденъ надъ двуглавымъ орломъ выточеннымъ, согласно преданію, самимъ царемъ Петромъ; въ алтарной части имѣются хоры. Широкій просторъ церкви вовсе не нарушается четырьмя основными столбами поднимающимися посрединѣ ея.

Какъ бы особою пристройкой къ собору является церковь преподобнаго

Никона и юго-западный притворъ. Послѣдній устроенъ на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ, по преданію, совершилось явленіе Богоматери Сергію; совсѣмъ молодая, 1879 года, стѣнопись притвора очень недурна; въ немъ имѣются три почтенныя гробницы. Такъ же какъ названный притворъ, слита воедино съ Троицкой и составляетъ съ нимъ одно дружески-родственное цѣлое церковь преподобнаго Никона Какъ приклонился Никонъ, ближайшій ученикъ и преемникъ Сергія, къ своему наставнику, такъ пристроилась къ собору и его церковь, такъ что мощи ученика покоятся подлѣ мощей учителя. При Никонѣ, какъ извѣстно, выжжена была обитель Едигеемъ въ 1408 году, но уже чрезъ три года воздвигнутъ новый храмъ Св. Троицы; при Никонѣ, въ 1422 году, явлены мощи Сергіевы; при немъ составлено жизнеописаніе Сергіево еще оставшимся тогда въ живыхъ ученикомъ Сергія Епифаніемъ. Никонова церковь значительно меньше малаго Троицкаго собора; она тоже блистаетъ золоченою головой, серебряною одеждой иконостаса и раки

Преподобнаго; любопытно сравнить характеръ стѣнописи наружныхъ стѣнъ ея 1840 года со стѣнописью внутреннихъ 1635 года, трижды, впрочемъ, подновленной.

Когда-то у собора этого была паперть; въ ней положены были перенесенныя въ 1606 году изъ Москвы тѣла царя Бориса, его супруги и сына, а затѣмъ подлѣ нихъ, въ заключеніе жизни исполненной глубочайшаго трагизма, опущена въ землю и дочь Борисова Ксенія. Паперть эта за ветхостью уничтожена, и усыпальница семьи Годуновыхъ осталась сиротѣть подъ открытымъ небомъ. Такъ и стоитъ она до сихъ поръ подлѣ сѣверо-западнаго угла храма, грустная, молчаливая; это безобразный кирпичный параллелепипедъ, безъискусственный до грубости и какъ бы въ укоръ художественному творчеству, которое не сдѣлало здѣсь для него ровно ничего, все-таки вызывающій на многія, очень вѣскія мысли... Утверждаютъ будто на сѣверныхъ вратахъ собора былъ написанъ когда-то по распоряженію самого Годунова ангелъ

страшнаго суда со скрижалями? что̀ видѣть въ этомъ? упрекъ, жалобу, угрозу или, наоборотъ, чувство страха? Очень хороши слѣдующія слова объ этой усыпальницѣ А. Муравьева, сводящія къ нѣсколькимъ строкамъ весь исключительный драматизмъ, воплотившійся въ Годуновскую семью: „Временьщикъ, цареубійца, царь, благодѣтель церкви и народа, гонитель всѣхъ близкихъ къ престолу, пораженный со всѣмъ родомъ призракомъ пораженнаго имъ отрока, дважды вырытый изъ могилы и трижды погребенный, какъ бы для страшной памяти одного убійства! сколько ужаса подъ сводами сей малой палатки вмѣстѣ съ невинностію Ѳеодора и Ксеніи и бѣдствіями ихъ кроткой матери! Сколько собственной крови за кровь отрока! О, да приметъ ея ангелъ суда на свои страшные вѣсы, да свѣситъ съ Дмитріевою и скажетъ разъ рѣшительно довольно!“ Чудесныя слова полныя глубокаго смысла! А что̀ если въ самомъ дѣлѣ поверхъ всего этого можетъ возникнуть мысль о невинности Бориса, какою удивительною силой наливаются

тогда сразу и безъ того необыкновенно сильные контрасты удачно подобранные Муравьевымъ? Примирительное настроеніе къ памяти усопшихъ, сказавшееся въ словахъ Муравьева о Борисѣ, замѣчательно какъ общая народная черта наша.

Относительно усыпальницы Годуновыхъ Снегиревъ вспоминаетъ въ своемъ разказѣ самыя характерныя посмертныя судьбы этой семьи. Гробъ Годунова, въ иноцѣхъ Боголѣпа, былъ вынутъ изъ его царской усыпальницы, выкинутъ въ особо пробитое отверстіе и опущенъ вторично въ землю въ убогомъ Варсонофьевскомъ монастырѣ, вмѣстѣ съ гробами супруги и сына; въ 1606 году гробы ихъ съ честію вынуты изъ этой земли и похоронены въ трапезѣ Успенскаго собора, куда перевезено также по смерти Ксеніи тѣло ея изъ Суздальскаго монастыря; трапеза эта, какъ сказано, разобрана, и съ 1781 года гробница Годуновыхъ обнажена, сиротна, задумчива. Снегиревъ приводитъ по поводу усыпальницы чрезвычайно любопытныя характеристики царевича

Ѳеодора и царевны Ксеніи, сдѣланныя современнымъ имъ писателемъ. Царевичъ былъ „отроча зѣло чюдно, благолѣпіемъ цвѣтущи, яко цвѣтъ дивный на селѣ отъ Бога преукрашенъ, і яко кринъ въ полѣ цвѣтущь: очи имѣя велики черны, лицо же ему бѣло-млечьною бѣлостию блистаяся, возрастомъ средній, тѣломъ ізобиленъ; наученъ бѣ ото отца своего книжному почитанію, во отвѣтехъ дивенъ и сладко рѣчивъ вельми.“ Еще лучше брата была царевна: „отроковица чюднаго домышленія, зѣлною красотою лѣпа, очи имѣя черны велики, свѣтлостию блистаяся, когда же въ жалости слезы от очію испущаше, тогда наипаче свѣтлостію зѣлною блисташе; бровми союзна, тѣломъ ізобильна, млечною бѣлостию облиянна, возрастомъ не высока, ни ниска, власы имѣя черны, аки трубы по плечамъ лежаху... гласы воспѣваемыя любляше і пѣсни духовныя любезнѣ слышати любляше“. Трудно сдѣлать лучшее, болѣе типичное описаніе въ нѣсколькихъ строкахъ, двухъ свѣтозарныхъ, неповинныхъ существъ, черныя очи. кото-

рыхъ закрылись такъ тяжело, такъ безвременно.

По всѣмъ Годуновымъ, каждое 1 мая, день смерти Борисовой, совершается въ Лаврѣ соборнѣ, на опальной могилѣ ихъ, подъ звуки „Годуновскаго“ колокола, паннихида, причемъ на литургіи употребляются въ тотъ день драгоцѣнные вклады Годунова: сосуды, воздухи и покровъ на мощи Св. Сергія. Сколько поводовъ для глубокаго раздумья. Да, вполнѣ умѣсты вышеприведенныя слова Муравьева: „да приметъ ангелъ суда кровь всей семьи Борисовой на свои страшные вѣсы, да свѣситъ съ Дмитріевою и скажетъ разрѣшительнѣе довольно!“

Церковь монастырская, построенная во имя самого основателя обители, составляетъ только составную, хотя и главную часть третьяго крупнаго сооруженія Лавры, бросающагося въ глаза болѣе всѣхъ другихъ, а именно трапезы, съ ея папертью; этому слитію церкви съ трапезой есть нѣкоторыя существенныя причины. Вопервыхъ, какъ сказано выше, страннопріимство вве-

дено въ обитель, вслѣдъ за общежитіемъ, при самомъ Сергіи, а въ зданіи трапезной, въ нижнихъ частяхъ ея, имѣются обширныя кухни и столовыя для богомольцевъ, никогда не оскудѣвающія. Вовторыхъ, въ чинѣ монастырскомъ, опять таки въ воспоминаніе основателя, существуютъ нѣкоторыя особенности трапезованія. Такъ, въ 1390 году, именно за трапезой, совершилось извѣстное чудо. Путешествовалъ тогда въ Москву изъ Перми Св. Стефанъ; монастырская братія сидѣла за обычною трапезой, когда вдругъ, неожиданно для всѣхъ, Сергій встаетъ съ мѣста и дѣлаетъ поклонъ на западъ, тихо проговаривая: „радуйся и ты, пастырь Христова стада, и миръ Божій да пребываетъ съ тобою!“ Спрошенный братіей о причинѣ этого неожиданнаго поклоненія кому-то, Сергій отвѣтилъ что въ эту именно минуту, по пути въ Москву идетъ епископъ Стефанъ, остановился противъ монастыря, поклонился Св. Троицѣ и братію благословилъ; посланные немедленно вслѣдъ за этимъ братья поспѣшили на указанное Сергіемъ мѣсто

и еще застали тамъ людей сопровождавшихъ Стефана; на этомъ мѣстѣ, на 9й верстѣ отъ обители, поставлена часовня, а въ монастырѣ существуетъ обычай, ежедневно, во время трапезованія, ударять въ колокольчикъ, причемъ братья встаютъ, а очередной іеромонахъ произноситъ соотвѣтствующія слова. Вѣроятно нѣкоторое соотношеніе къ этому имѣетъ также торжественная трапеза, совершаемая только въ этой Лаврѣ, въ день ея праздника; митрополитъ и братія, въ присутствіи множества народа, садятся за столъ, уставленный, какъ замѣчаетъ Муравьевъ, кубками и стопами древнихъ царей, причемъ каждый сосудъ есть драгоцѣнность историческая, каждый обрядъ отголосокъ минувшаго; въ обычную минуту звонитъ колокольчикъ, совершается общій поклонъ, а въ концѣ трапезы всѣ подходятъ къ аналою, вкушаютъ хлѣба и пьютъ медъ изъ чаши подаваемой самимъ митрополитомъ.

Зданіе трапезной очень велико и бросается въ глаза пестротой окраски

и гармоничностью основныхъ линій и деталей. Открытая галлерея, устланная чугуномъ, во сто сажень длиной, окружаетъ зданіе; само оно имѣетъ длины 34 сажени при ширинѣ въ 9 саженъ и покрыто остроконечною крышей, подъ фигурчатымъ гребнемъ; наружныя стѣны играютъ разноцвѣтными красками; окна, по двѣнадцати въ длину, обрамляются колоннами. Церковь Св. Сергія помѣщается на одной изъ узкихъ сторонъ трапезной, и надъ ней устроена книгохранительница, имѣющая до 10.000 томовъ и рукописей; висящее предъ амвономъ мѣдное паникадило, съ 12 апостолами и изображеніемъ Спасителя, служащаго имъ центромъ, даръ Іоанна IV. Живопись внутри конца прошлаго вѣка, но она настолько подновлена что слѣда прежней не имѣется, въ окнахъ изображены Сергіевы ученики, между оконъ—притчи, надъ трапезною разстилаются изображенія всѣхъ святыхъ, по стѣнамъ—изгнаніе торговцевъ изъ храма и Вознесеніе Богоматери, а надъ входомъ воскресеніе мертвыхъ.

Расположенныя надъ трапезой кухни

и хлѣбопекарня способны къ очень значительному производству, такъ какъ богомольцевъ бываетъ иногда, напримѣръ въ маѣ мѣсяцѣ, до 25.000 человѣкъ; на большіе мѣстные праздники собирается не менѣе 5.000 человѣкъ; причемъ наименьшимъ количествомъ, не болѣе 50 человѣкъ, отличаются весьма немногіе дни.

Много воздвигнуто въ Лаврѣ храмовъ и каждый изъ нихъ имѣлъ бы что̀ порассказать. Въ церкви Св. Духа почиваетъ митрополитъ Филаретъ, умершій въ 1867 году; иконы иконостаса, сдѣланнаго изъ розоваго дерева, все стѣнописаніе исполнены исключительно лаврскими живописцами, причемъ отъ живописи 1655 года не осталось и слѣда; подлѣ церкви этой устроена часовня, въ которой, подъ шумъ весьма бойкой торговли образками, книгами четками, почиваетъ преподобный Максимъ Грекъ.

Церковь видѣнія Божіей Матери Св. Сергію и Михею хранитъ мощи послѣдняго. Слѣдуетъ упомянуть о томъ объясненіи, которое, какъ утверждаетъ іеро-

монахъ Никонъ, даетъ народъ тому факту что на иконѣ изображающей это видѣніе на Богоматерь смотритъ одинъ только Сергій, а Михей робко закрывается мантіей; преподобный Михей дѣлаетъ это потому что за три года до видѣнія выпилъ чашицу вина и боялся оскорбить небесную Пришелицу своимъ дыханіемъ. Можетъ-быть дѣйствительно въ этомъ толкованіи даетъ отзвукъ какое-либо древнее преданіе, но несомнѣнно то что оно замѣчательно граціозно. При освященіи этой церкви, послѣ ея возобновленія, присутствовалъ, въ 1842 году, Муравьевъ, и тогда именно сказана была митрополитомъ Филаретомъ, третьимъ настоятелемъ Лавры изъ школы митрополита Платона и любимѣйшимъ изъ его учениковъ, одна изъ замѣчательнѣйшихъ его проповѣдей. Классическая проповѣдь эта была сказана на ту благодарную въ художественномъ и ораторскомъ отношеніи тему что онъ, митрополитъ, окруженный всѣмъ современнымъ великолѣпіемъ Лавры, желалъ бы подсмотрѣть пустыню Сергіеву въ ея первоначальномъ убожествѣ. „Кто

покажетъ мнѣ, говорилъ святитель, малый деревянный храмъ... Вошелъ бы я въ него на всенощное бдѣніе, когда въ немъ съ трескомъ и дымомъ горящая лучина свѣтитъ чтенію и пѣнію... Отворите мнѣ дверь тѣсной храмины, чтобы я могъ вздохнуть ея воздухомъ, который трепеталъ отъ гласа молитвы и воздыханій преподобнаго Сергія... Дайте мнѣ облобызать прахъ ея сѣней... Укажите мнѣ еще другія сѣни, другой келіи, которуя своими руками, въ одинъ день, построилъ Преподобный и получилъ за трудъ дня и голодъ нѣсколькихъ дней укрухъ согнивающаго хлѣба... Посмотрѣлъ бы я какъ, позже другихъ насажденный въ сей пустыни, преподобный Никонъ спѣшно ростетъ и созрѣваетъ до готовности быть преемникомъ Сергія... Послушалъ бы я молчанія Исаакіева... Взглянулъ бы на благоразумнаго архимандрита Симона, рано поняв-шаго что полезнѣе быть послушникомъ Сергія нежели начальникомъ въ другомъ мѣстѣ“... „Вѣдь это все здѣсь...“ говорилъ проповѣдникъ, и Муравьевъ свидѣтельствуетъ о необычайномъ впечатлѣніи

произведенномъ на народъ названною проповѣдью. Въ этой же церкви хранится правая рука первомученика Стефана и камень отъ гроба Господня, привезенный Муравьевымъ. Шевыревъ упоминаетъ еще о волосахъ Св. Стефана, а Снегиревъ о золотомъ медальйонѣ висѣвшемъ на иконѣ, въ которомъ заключались будто бы власы Богородицы.

Всѣ другія церкви лаврскія: Рождества Іоанна Предтечи, Одигитрія, Казанской, Покрова, Зосимы и Савватія, Варвары и Анастасіи, весьма разнообразны, но рѣшительно всѣ свидѣтельствуютъ о радѣніи русскихъ людей къ дому Сергіеву; полнѣйшимъ же свидѣтельствомъ этого радѣнія за цѣлыхъ пятьсотъ лѣтъ можетъ служить помѣщающаяся въ верхнемъ этажѣ особаго лаврскаго зданія, соединеннаго съ Троицкимъ Соборомъ, ризница.

Въ лаврской ризницѣ, какъ въ каплѣ водъ солнце, отражается все огромное былое Лавры, со всѣми его многоразличными особенностями. Если справед

ливо замѣтилъ Снегиревъ, что вышитая серебромъ узоватая надпись на гробовомъ покровѣ Ксеніи Годуновой, хранящемся въ ризницѣ, рѣзко напоминаетъ превратности судьбы этой царевны, то и многообразныя судьбы Лавры сказываются вообще въ предметахъ ризницы. Какое, напримѣръ, безконечное разстояніе отъ деревянныхъ раскрашенныхъ красною краской служебныхъ сосудовъ Сергія, въ которые при его священнодѣйствіи сходилъ небесный огонь, не жегъ ихъ и не опалялъ самого Преподобнаго, отъ его крашенинной фелони, которой прикасались ангелы когда они сослужили Сергію, отъ его кожаныхъ сандалій тридцать лѣтъ лежавшихъ во гробѣ на его ногахъ, отъ его деревянной трости, хранящейся при мощахъ, до тѣхъ золотыхъ усыпанныхъ алмазами сосудовъ, которые пожертвованы Годуновымъ, Екатериной II, до цѣлаго ряда тяжкихъ, вслѣдствіе груза драгоцѣнныхъ камней, ризъ, воздуховъ, панагій, покрововъ и митръ, до золотаго посоха въ $6^1/_2$ фунтовъ вѣсомъ, унизаннаго, какъ трава росою, брилліанта-

ми, яхонтами, изумрудами и подареннаго Александромъ II, въ день коронаціи, митрополиту Филарету? Если, повидимому, требуетъ повѣрки оцѣнка въ полтора милліона рублей, сдѣланная въ сороковыхъ годахъ однимъ иностранцемъ, устроенной при митрополитѣ Платонѣ одежды на престолъ, то, во всякомъ случаѣ, вещевыя богатства Лавры очень значительны. Старѣйшее изъ Евангелій 1343 года; старѣйшій крестъ присланъ Св. Сергію патріархомъ Филоѳеемъ. Обладаетъ Лавра и очень многими предметами высокой цѣны не имѣющими духовнаго назначенія; упомянуть можно хотя бы о тѣхъ братинахъ и кубкахъ которые при особенно торжественныхъ случаяхъ подаются на столъ. Вотъ, напримѣръ, обращики надписей на этихъ братинахъ и кубкахъ имѣющіяся:

„Подивитеся вы нынѣ
Какъ у Сергія въ пустынѣ
Было прежде бѣдно, скудно,
Подивитесь же какъ чудно
Нынче послѣ всѣхъ литеній,
Сколько въ Лаврѣ украшеній
Позднимъ годомъ Богъ давалъ
Всѣми благами снабдилъ.“

„Разставили повсюду
Серебряну посуду,
Занялись бесѣдами
Со своими сосѣдами,
Пили, ѣли, вставши запѣли,
Что кому до насъ
Когда праздникъ у насъ."

—

„Братина добра человѣку, пити изъ нея за здравіе, хваля Бога; воспоминаючи его святыя заповѣди чрезъ Апостола Павла: братіе, не упивайтеся виномъ, въ немъ же есть блудъ" и т. д.

Всѣ богатства Лавры стекались въ нее по множеству причинъ; она владѣла когда-то болѣе чѣмъ 100.000 крестьянъ, крупными и многими оброчными, арендными статьями. Не для себя хранила она богатства эти и хранить ихъ; много, очень много имѣлось случаевъ когда она снабжала средствами царей, царицъ, отдѣльные города; пришлось Лаврѣ выдать 30.000 р., сумму громадную по тому времени, Лжедмитрію; особенно широко лились ея вспомоществованія въ тяжелые годы русской жизни, именно тогда когда все, казалось, все пропадало, и воздвизался преподобный Сергій.

Воздвигнулся онъ въ 1608—1610 годахъ, во время осады Лавры Поляками и русскими разбойными людьми; село Тушино, въ которомъ утвердился самозванецъ, откуда его прозвище, въ числѣ многихъ другихъ селъ, принадлежало Лаврѣ; овладѣть Лаврой значило имѣть въ своихъ рукахъ ключъ къ сѣвернымъ городамъ и Поволжью, и этого то не допустила обитель, выдержавъ 16мѣсячную осаду, измѣну, цынгу и другія напасти. На вражескую грамоту о сдачѣ обители, изъ нея отвѣчали что даже: „отроча въ монастырѣ посмѣется вашему безумному совѣту... мы сія пріемше оплеванхомъ“. Осада началась. Отстрѣливались отъ непріятеля всѣ три боя Лаврскихъ стѣнъ: верхній, средній и подошвенный; пронизывались ядрами ея иконы; кипятился для обливанія варъ, сѣра и смола; гудѣли взрывы подкоповъ, и все это при томъ условіи что стѣны Лавры, какъ это видно изъ грамоты Ѳеодора Іоанновича 1593 года, во многихъ мѣстахъ „попровалились“, и особенно „утла“ была западная стѣна, та именно на ко-

торую, отъ Красной горы, шло главное нападеніе. До четырехъ крупныхъ штурмовъ, не считая мелкихъ нападеній, выдержали защитники обители, до 35 вылазокъ сдѣлали они сами, причемъ, вспоминая Ослабя и Пересвѣта, старцы Ѳерапонтъ и Макарій, съ двадцатью братьями, садились на бранныхъ коней и удачно сбивали непріятеля. Не спалось въ Лаврѣ никому въ эти завѣтные 16 мѣсяцевъ; не дремалъ въ своемъ гробу и Св. Сергій и неоднократно вставая ходилъ по келліямъ, дворамъ и стѣнамъ и звалъ защитниковъ своего достоянія къ отпору.

Когда немного позже патріархъ іерусалимскій Ѳеофанъ, въ 1619 году, посѣтилъ успокоенную и торжествующую Лавру, онъ пожелалъ видѣть тѣхъ иноковъ которые одѣвали броню ратную и, ко времени пріѣзда его, еще жили. Ихъ представилось до двадцати человѣкъ и старѣйшій изъ нихъ былъ Аѳанасій Ощеринъ, „зѣло старъ сый, и весь уже пожелтѣлъ въ сѣдинахъ“.—„Что ти свойственнѣе“, спросилъ Ощерина, какъ бы лукаво, патріархъ, „иночество ли въ

молитвахъ особь, или подвигъ предъ всѣми людьми?“—„Всякая вещь и дѣло, владыко святый, отвѣтилъ Ощеринъ, въ свое время познается“, и затѣмъ, обнаживъ сѣдую голову свою, показалъ ее и проговорилъ въ объясненіе: „извѣстно ти буди, владыко мой, се подпись латинянъ на главѣ моей отъ оружія; еще же и въ лядвіяхъ моихъ шесть памятей свинцовыхъ обрѣтаются!“

Патріархъ разцѣловалъ старца „любезнѣ“ и отпустилъ его и сподвижниковъ „съ похвальными словесы“. Эти „шесть памятей свинцовыхъ“ должно-быть такъ и имѣются налицо въ землѣ, въ могилѣ Ощерина.

За это тяжкое время, если можно такъ выразиться, очами, языкомъ и душою Лавры былъ знаменитый келарь ея Авраамій Палицынъ оставившій намъ самое лучшее описаніе тѣхъ ужасныхъ, но славныхъ дней. Хотя очень много потрудился, во время названной осады, архимандритъ Іосафъ, а позже, до заключенія Деулинскаго мира, его преемникъ Діонисій, но истинно государственною дѣятельностію, же-

лѣзною волей и неусыпностью вліявшею на весь ходъ дѣлъ, даже далеко за грани Лавры, былъ Авраамій Палицынъ. Напрасно искать могилы его въ стѣнахъ Лавры: останки его покоятся далеко, очень далеко, въ Соловецкомъ монастырѣ. во дворѣ, подлѣ соборнаго храма.

Во время самой осады Палицынъ находился подъ Смоленскомъ, съ митрополитомъ Филаретомъ вмѣстѣ, въ посольствѣ отправленномъ къ королю Сигизмунду, для испрошенія на царство королевича Владислава; еще до того, при Шуйскомъ, Палицынъ дважды прокормилъ Москву лаврскими хлѣбами. Тайно покинувъ смоленское посольство, онъ возвратился именно къ тому времени когда „не существовало больше ни царя, ни патріарха“, когда, такъ-сказать, не было самой Москвы, полтора года томившейся подъ игомъ польскимъ; Лавра сдѣлалась сердцемъ всей Руси, и настоятель ея Діонисій одинъ замѣнялъ всѣ власти. Отъ Діонисія и Авраамія полетѣли тогда призывныя грамоты, „въ которыхъ болѣзнованія о всемъ государствѣ Московскомъ безчисленно

много". Летѣли эти грамоты въ Рязань, Ярославль, Нижній, въ Казань, Владиміръ, Переяславль, Тулу, Калугу и понизовскіе города; призвали они Пожарскаго, Минина, Трубецкаго, Ляпунова, Волынскаго, Волконскаго; сама Лавра ставила стрѣльцовъ и снабжала снарядами и запасами. Палицинъ былъ поразительно неутомимъ: онъ умиротворилъ возникшую въ войскахъ Пожарскаго въ Ярославлѣ смуту и съ тѣхъ поръ не покидалъ войска; онъ возвратилъ къ исполненію своего долга казаковъ въ вершительной битвѣ на Дѣвичьемъ полѣ. Когда взятъ былъ Кремль, Палицинъ и Діонисій вступили въ запустѣвшій храмъ Успенія; оба они находились при избраніи Михаила, имѣвшемъ мѣсто на Троицкомъ, а не на другомъ какомъ подворьѣ; именно Палицинъ возвѣстилъ народу, съ Лобнаго Мѣста, объ этомъ избраніи, и находился въ числѣ пословъ звавшихъ царя на парство; благословилъ же на царство Михаила, приходившаго поклониться Св. Сергію, Діонисій.

Сочиненіе Палицина *Лѣтопись о мно-*

*тихъ мятежахъ* — первоисточникъ объ этомъ смутномъ времени; происходилъ родъ Палицыныхъ отъ знатныхъ новгородскихъ выходцевъ, отъ родоначальника Палицы, и не сказывается ли въ судьбахъ знаменитаго келаря преемственность смѣлаго, предпріимчиваго, воинственнаго духа его предковъ-Новгородцевъ? Чрезвычайно естественъ былъ вопросъ заданный въ 1842 году Цесаревичемъ Александромъ митрополиту Филарету, показывавшему ему Лаврскую святыню:

— Гдѣ же Авраамій?

— Погребенъ въ Соловецкомъ на своемъ обѣщаніи! тихо отвѣтилъ ему митрополитъ.

И зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, поручено холоднымъ нѣдрамъ Соловецкой обители хранить останки этого горячаго русскаго сердца, бывшаго въ самое тяжелое время,—зачѣмъ не признавать этого?—чуть ли не сердцемъ Россіи? Авраамій, начавшій съ монашества въ Соловецкомъ монастырѣ, возвратился къ нему въ 1621 году и умеръ въ глубокой старости „на своемъ обѣщаніи“. Что зна-

чатъ эти туманныя слова? Справедливы ли имѣющіяся на Авраамія нареканія? что̀ за странное отношеніе неисповѣдимыхъ судебъ къ двумъ главнымъ лаврскимъ дѣятелямъ тѣхъ смутныхъ дней, къ Авраамію, таинственно удаляющемуся въ Соловки, и Діонисію, несправедливо оклеветанному въ поврежденіи св. книгъ и претерпѣвшему въ продолженіи цѣлыхъ сорока дней всякую пытку и мученіе? Діонисій, возстановленный позже въ своихъ правахъ, мирно скончался въ 1633 году, и тѣло его для отпѣванія, совершеннаго митрополитомъ, нарочно для этого привезено было въ Москву; память же Авраамія и послѣдніе дни его жизни остаются покрытыми глубокою тайной и, надо признаться, что въ этомъ сказывается одна изъ величайшихъ, можно сказать неоправдываемыхъ ничѣмъ неблагодарностей Русскаго народа. Не пора ли вспомнить о келарѣ, и мѣсто ли ему лежать подъ холоднымъ небомъ странъ архангельскихъ, тогда какъ въ Троицкой Лаврѣ еще довольно мѣста для многихъ великихъ дѣятелей русскихъ, если таковые народятся. За-

мѣчательно что даже Карамзинъ, столь чуткій къ признанію характерностей крупныхъ дѣятелей, касается Авраамія какъ бы вскользь, урывками, и въ послѣднихъ главахъ безсмертной *Исторіи Государства Россійскаго* могучая личность Палицына какъ бы задвинута цѣлымъ сонмомъ другихъ безконечно менѣе важныхъ людей! Повидимому, и у Карамзина не слагался еще въ полной желательной ясности обликъ великаго келаря, отправленнаго въ Соловки и спящаго тамъ „на своемъ обѣщаніи". Относительно Святаго Сергія завѣтъ его быть похороненнымъ на братскомъ кладбищѣ не исполненъ; относительно Авраамія едва ли вѣроятно чтобъ онъ самъ желалъ лежать въ далекой, обуреваемой ледяными вѣтрами, лежащей на границѣ Россіи съ безконечностью обители Соловецкой?

Не исключительно замкнутыми въ стѣны высятся храмы и зданія лаврскія; многіе кресты, часовни, скиты, церкви и монастыри находящіеся въ прямой связи съ нею, словно отклики главнаго аккорда, гудя своими колоколами, вид-

нѣются по всѣмъ сторонамъ ея внѣ ограды и уходятъ въ темнѣющую даль чисто русскаго, привѣтливаго пейзажа. Кто же не слыхалъ и не знаетъ о юнѣйшихъ по времени Геѳсиманскомъ скитѣ и Виѳанскомъ монастырѣ?

Въ Виѳаніи, въ трехъ верстахъ отъ Лавры, почиваетъ создатель ея митрополитъ Платонъ, умершій въ 1812 году, о которомъ Муравьевъ говоритъ что не имѣлось у насъ послѣ Стефана Яворскаго такого замѣчательнаго лица въ іерархіи, какъ онъ. Шевыревъ замѣчаетъ довольно смѣло что домъ Платона въ Виѳаніи напомнилъ ему Фернейскій замокъ Вольтера: и тамъ и здѣсь портреты Екатерины II; въ Фернеѣ вышитъ онъ шелкомъ и подаренъ самою государыней; въ Виѳаніи подаренъ Потемкинымъ и вырѣзанъ изъ бумаги; тамъ въ Фернеѣ висятъ картины относящіяся къ жизни Вольтера, здѣсь къ жизни Платоновой. Вѣрно также и то что митрополитъ Платонъ, какъ и Вольтеръ, очень любилъ природу и самъ насадилъ виѳанскую рощу, густо разросшуюся по направ-

ленію къ пруду; онъ повидимому думалъ даже, если можно такъ выразиться, ввести природу въ архитектуру церковную, потому что этимъ только можно объяснить хотя отчасти ту странную, игривую мысль, которая лежитъ въ основаніи устройства вмѣсто иконостаса каменной покрытой мохомъ горы Ѳаворской и постановку гроба самого храмоздателя какъ бы въ пещерѣ. Сюда же перенесенъ и деревянный гробъ Св. Сергія въ которомъ обрѣтены мощи его; собственно говоря это перенесеніе тоже прихоть, едва ли имѣющая многое въ свое оправданіе.

Влѣво отъ пути въ Виѳанію идетъ дорога на Геѳсиманію, устроенную митрополитомъ Филаретомъ. Шевыревъ обращаетъ вниманіе на то что на постройку этого убѣжища духовнаго успокоенія и молитвы не употреблено ничего изъ матеріаловъ добываемыхъ въ нѣдрахъ горъ, что одна только растительная природа дала свой матеріалъ и что сосновые срубы церкви, перенесенной сюда изъ села Подсосенья, церкви построенной еще при архимандритѣ

Діонисіи, несмотря на третье столѣтіе своего существованія, невредимы. Филаретъ почиваетъ, какъ сказано, не здѣсь, но въ Лаврѣ, въ церкви Сошествія Св. Духа. Онъ умеръ въ 1867 году, на 85 году отъ рожденія. Родившись при Екатеринѣ II, онъ удостоенъ былъ совершенно особаго довѣрія Александра I, вручившаго ему государственную тайну престолонаслѣдія и актъ отреченія отъ престола Константина Павловича; онъ вѣнчалъ на царство Николая I и Александра II и являетъ одинъ изъ рѣдчайшихъ примѣровъ особенно быстраго шествованія въ смыслѣ служебныхъ отличій; такъ архимандритомъ назначенъ онъ 29 лѣтъ отъ роду, на 42 сдѣланъ митрополитомъ, на 51 удостоенъ Андрея Первозваннаго. Много есть еще людей помнящихъ его невысокій ростъ, худобу, блестящіе, необычайно подвижные глаза; его знаменитыя, дѣйствительно ораторскія проповѣди, для которыхъ въ послѣдніе годы жизни у него не хватало голоса. Больной отъ природы, Филаретъ обладалъ громадною ученостью; одинъ перечень того что

преподавалъ онъ разновременно свидѣтельствуетъ объ этомъ: краснорѣчіе, риторика, философія, догматическое богословіе, исторія и древности церковныя. Въ долгіе годы своей дѣятельности часто стоялъ онъ очень близко къ рѣшенію не только духовныхъ, но и высшихъ государственныхъ вопросовъ, такъ что въ нѣкоторомъ смыслѣ справедливо сказано о немъ что онъ „былъ не представителемъ эпохи; онъ самъ и былъ эта эпоха“. Кто изъ людей внимательныхъ къ книжному дѣлу не знаетъ книжки: *Государственное ученіе Филарета*, въ которой собраны и систематически изложены взгляды его на строй государства и общества, по разнымъ существеннымъ вопросамъ; превосходны параллели имъ намѣчаемыя между государствами Запада, гдѣ „народы объюродѣли“ въ многообразныхъ опытахъ конституцій и „договоровъ со властью“, и Россіей покоющеюся въ самодержавіи?.. Филаретово вліяніе на судьбы уніи и раскола сказалось очень сильно; безчетны изданія его *Катихизиса* и *Начатковъ христіанскаго право-*

*славнаго ученія;* утверждаютъ будто его рукѣ принадлежитъ манифестъ 19 февраля 1861 года; кто не знаетъ, наконецъ,—чтобы вспомнить о мелочи,—его стиховъ Пушкину? Въ послѣдніе годы его жизни не существовало отличій которыя могли бы быть даны ему. 17 сентября 1867 года имѣлъ онъ во снѣ видѣніе своего отца, сказавшаго ему „береги 19е число"; о видѣніи этомъ тогда же сообщилъ Филаретъ намѣстнику Троицкой Лавры; 19 сентября и 19 октября, ожидая смерти, причащался онъ; причастился также и 19 ноября, отслуживъ литургію, и во второмъ часу дня, дѣйствительно найденъ бездыханнымъ. Онъ умеръ въ Москвѣ. Зазвонили тогда съ Ивановской колокольни, и только 28 ноября, перевезенный въ Троицкую Лавру, по совершенно исключительному почти царскому церемоніалу, гробъ его отданъ землѣ.

Быстролетный очеркъ дѣятельности митрополита Филарета, послѣдняго изъ крупныхъ дѣятелей Сергіевой Лавры, здѣсь настолько же умѣстенъ, какъ умѣстно было очертить дѣятельность

келаря Авраамія Палицына. Забота мысли Сергіевой о пользѣ государства, а не только церкви, прямое участіе его въ нуждахъ народа и жизни людей, не только постомъ и молитвой, но и непосредственною, практическою дѣятельностью, всегда были, какъ видно, и будутъ лозунгомъ птенцовъ Сергіевой обители. Вотъ почему такъ безконечно важно исключительное значеніе основателя ея, подписавшаго духовное завѣщаніе Дмитрія Донскаго о престолонаслѣдіи и не останавливавшагося предъ тѣмъ чтобы закрыть служеніе въ церквахъ Нижегородскихъ, если въ видахъ жизненнаго дѣла это представлялось необходимымъ. Не только церкви, но и государству служилъ Сергій—и какъ служилъ? его примѣру слѣдовали его преемники, и вотъ почему можно, и должно, говорить о „государственномъ“ значеніи, какъ его самого, такъ и основанной имъ обители: Палицынъ, Филаретъ—только продолжатели мысли Сергіевой, на разстояніи долгихъ двухъ вѣковъ одинъ отъ другаго. Какая преемственность!

Для дополненія сказаннаго умѣстно

будетъ въ заключеніе припомнить вѣщія слова Сергіевы, сказанныя имъ пять вѣковъ назадъ Дмитрію Донскому, когда тотъ, повидимому, сомнѣвался въ томъ: идти ли ему на Мамая, или нѣтъ.

— Тебѣ, господине княже, говорилъ Сергій,—слѣдуетъ заботиться и крѣпко стоять за своихъ подданныхъ и душу свою за нихъ положить, и кровь свою пролить.... но прежде, господине, пойди къ нимъ съ правдой и покорностью, *какъ слѣдуетъ по твоему положенію поклониться Ордынскому царю.* Вѣдь и Василій Великій утолилъ дарами нечестиваго царя Іуліана ... Если такіе враги хотятъ отъ насъ чести и славы — дадимъ имъ; если хотятъ злата и серебра—дадимъ и это; но за имя Христово, *за вѣру православную* намъ подобаетъ душу свою положить и кровь пролить!..“

И на этомъ основаніи загорѣлся Куликовскій бой! И правъ былъ, безконечно правъ Св. Сергій: въ православіи, а не въ чемъ иномъ жизнь Россіи! Еслибы допустить даже что погибло все, все; еслибы, послѣ какого-нибудь великаго, послѣдняго боя, поникли долу, съ поломанными мечами въ рукахъ, на

дымящихся развалинахъ нашихъ городовъ и весей, всѣ князья русскіе — но сохранилось въ сердцахъ оставшихся въ живыхъ изъ народа православіе.— Русская самодержавная земля, непремѣнно самодержавная, а не какая другая, зародилась бы на томъ же мѣстѣ снова. Не быть никому иному на нашихъ пажитяхъ, какъ намъ, и непремѣнно въ томъ именно историческомъ очертаніи въ какомъ мы существуемъ. Яснѣе, полнѣе, сердечнѣе и въ этой именно полнотѣ пониманія гораздо раньше другихъ воспріялъ эту правду Св. Сергій, и вотъ объясненіе тому исключительному поклоненію какимъ его у насъ чествуетъ народъ, который не можетъ же не любить самого себя! „Полюби Святаго Сергія (и пойми его, добавимъ мы)— онъ былъ Русскій въ душѣ“, и если справедливо сказалъ гдѣ-то Филаретъ что „когда темнѣетъ на дворѣ—усиливаютъ свѣтъ въ домѣ“, то вспоминать о такихъ дѣятеляхъ какимъ былъ Сергій значитъ усиливать этотъ внутренній свѣтъ.

---

Дозволено цензурой. Москва, 21 іюля 1889 года.